

ИВАН ГРАЧЕВ

Город Мертвецов
и другие истории

Иван Грачев
Город мертвецов и другие
истории (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8360078

ISBN 978-5-4474-0217-4

Аннотация

Истории о странных вещах, людях и происшествиях.

История о человеке, потерявшем все, чтобы найти нечто большее с помощью науки.

История одного похищения.

История о темных сторонах личности.

И многое другое.

Содержание

Знание	5
Заложники	24
1. Школьница	24
2. Заложник	38
3. Стокгольмский синдром	74
4. Эпилог	86
Океан в конце пути	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Город мертвецов и другие истории Иван Грачев

© Иван Грачев, 2014

© Ольга Протопова, обложка, 2014

Редактор Иван Грачев

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Знание

В прихожей зазвонил телефон.

Я подошел к нему, вглядываясь в наборный диск, в зеленую лампочку, под которой красовалась полустертая надпись «В-одяшии -во-ок». Сам помню, как отковыривал белую краску в те времена, когда стационарные телефоны были чем-то особенным, когда за ними проводили столько же времени, как сейчас, например, за проверкой почты и сообщений в социальных сетях.

– Алло.

Сначала тишина. Потом приглушенный женский голос:

– Ты умрешь через семь дней...

– Ага, как же, – неловко парировал я.

Натка... Наташка. Я ждал ее звонка? Ну да, наверное, звонка... уже неделю.

– Как ты? – вырвалось у меня раньше, чем я успел вспомнить все то, что должен был сказать.

– Не надо, – грустно сказала-ответила она, словно поняв все, что было недосказано.

Я промолчал.

Тишина повисла вокруг меня, заполнив собой не только пространство, но и мысли. На секунду мне даже показалось, что она растянулась на бесконечное расстояние между мной

и Наташей, приблизила нас друг к другу. Я вспоминал, представлял и прокручивал вновь и вновь события того дня, когда мы расстались; и я готов был отдать все на свете, чтобы она не думала о том же.

Словно заезженная пленка, истончившаяся за все прошедшее время, сохранившая лишь тени эмоций, а не саму картинку, заела на том самом месте, когда я смотрел в ее глаза в последний раз.

Слова, подобно мухам, залетевшим в ловко расставленную ловушку-паутину дурных воспоминаний, были не в силах выбраться, погибая в момент рождения.

– Как ты? – спросил я. Молчание было невыносимо.

– Станный вопрос, будто знаешь, *что* хочешь услышать...

– Да уж, сколько я представлял себе этот разговор раньше... Не думал, что это будет так... внезапно. Особенно после первых двух разрывов.

– Ну, тут уж извиняйте, не мы виноваты в качестве связи. – Она хихикнула, пытаясь придать своему тону шутливость, что было едва различимо в помехах и шуме. Голос был тихим, с еле различимым тоном, но даже не смотря на это, ее интонации я узнал бы из тысячи

Помехи и шум... Помехи и шум... помехи... шум

Иногда я лежал и смотрел в пустоту, пытаясь сконцентрироваться на первых попавшихся мыслях, чтобы хоть как-то

отвлечься от возникшей внутри меня темноты. Пытался думать о чем угодно, но не выходило. Лишь закрывая глаза, я видел тот вакуум, который сидел внутри меня; заглядывая в свою боль, в свои сомнения.

Все начинается из хаоса. Нет мировой упорядоченности, нет высшего разума. Есть только всемирный бульон, одна огромная черная дыра, водоворот жизни; или Теория случайных чисел, перебирающих все возможные комбинации наших судеб. Один только белый шум, мириады и мириады черных точек, которые подобны муравейнику в самый разгар летней жатвы на белом поле. Или белых точек посреди непостижимого черного вакуума. Хаотическое движение, мнимость существования и пустота.

Что скрывается за этими точками? Молекулы, атомы и структуры существ... А может бесконечные вселенные, кажущиеся нам такими маленькими только из-за своего несчетного количества?

Закрывая глаза, мы видим только хаос...

Когда умерла Натка, я перестал видеть даже его.

В 1959 году шведский кинопродюсер Фридрих Юргенсон записывал голоса птиц. Ничего особенного – всего лишь магнитофонная пленка, парк, лес, сквер, или любое другое место, где он мог уединиться в своем желании записать пение пернатых. Условия чистоты записи не были нарушены, однако когда он прослушивал пленку, то обнаружил на ней

тихий, едва уловимый, но, тем не менее, довольно отчетливый мужской голос, говоривший на норвежском. Юргенсон немного понимал по норвежски и, каково же было его удивление, когда он понял, что голос говорит о звуках, издаваемых птицами.

Юргенсон был уверен, что никаких людей во время записи не было поблизости, потому решил, что его магнитофон каким-то образом записал вещание радиостанции.

Его исследования данного феномена начались, когда он навел справки по всем радиостанциям Норвегии и Швеции, и выяснил, что ни одна из них не вела трансляций подобного содержания

В 2004 один из последователей учения и исследований Юргенсона – профессор ВГИКа и всемирно известный гуру Николай Геннадьевич Иванов изготовил первый в мире аппарат, позволяющий слушать белый шум, или ФЭГ – «Феномен Электронного Голоса», сортируя помехи и шум настолько, что голоса, скрывающиеся под покрывалом смерти, стали различимы. Это был фурор науки перед религией, триумф знания перед слепой верой, или просто удача для потерявших кого-то. Аппарат был построен на основе обычного телефонного аппарата, с некоторыми изменениями, конечно. К нему подключалась телефонная линия, для использования гудка и фильтров АТС и кабели феномен-сигнала – слегка модернизированные антенны теле- и радио-сигналов.

Иванов никогда не скрывал простоты своего изобретения,

утверждая, что «человек всегда стремился к неизведанному, слепо смотря перед собой. Но я нашел ответы позади, в нашем прошлом».

В 2007 году его изобретение и труды единогласно получили несколько грантов для проведения дальнейших работ в этой области. Среди учредителей были такие гиганты, как «Российский фонд фундаментальных исследований», «Фонд Форда» и т. д.

Как будто все человечество остановилось, чтобы задуматься. Чтобы посмотреть на творения своих рук, и вспомнить, ради чего или ради кого наука ложилась на эту землю.

Сотни и тысячи людей не жалели ничего, лишь бы послушать, *всего лишь услышать* своих отцов.

Это было то время, которое можно было без обиняков называть *Великим*.

Остановились войны, прекратилась борьба человека с человеком, человека с природой и, что самое главное – человек прекратил сражаться с самим собой.

Одно изобретение положило начало времени перемен.

Наташа погибла в 2009-ом...

Нет смысла описывать мои ощущения, чувства. Всю пустоту сознания, черноту мыслей, недели депрессий, попытки суицида и душевные муки в «доме с желтыми стенами» уже описаны тысячью и одним способом. Как бы мне хотелось не знать ни одного из них, не «испробовать» их все на себе

Я не знаю, как описать свое везение. Свою удачу, снизошедшую в тот момент, когда, по окончании лечения, я снова запил. Не так сильно, конечно, как это было в первые недели одиночества. Но каждый день, после работы, после жалкого офиса, пахнущего техникой, компьютерами, тонером и тошнотворным запахом пота и курения; каждый день я приходил и напивался. Просто чтобы уснуть, это было мне необходимо. Потому как иначе просто быть не могло. Нет нужды идти дальше – Вот он, Конец всего, прямо Здесь и Сейчас! Какой смысл в нашей жизни? Да нет его просто. Всего лишь очередной вид тараканов и крыс, превзошедший всех остальных только из-за того, что был одарен таким проклятием как интеллект. Разве нужен был тигру интеллект, чтобы охотиться? Чтобы жить так, как предписала мать-природа и убивать ровно по одной лани на свой цикл голода? Разве нужен интеллект птице, чтобы чувствовать полет, восходящие и нисходящие потоки воздуха, чувство свободы? Разве нужен интеллект, чтобы быть счастливым?

Павел был одним из немногих, кто не отвернулся от меня. Сейчас я чувствую себя в бесконечном долгу перед этим человеком, приходившим практически каждый день ко мне после аварии, во время лечения, после лечения. Его жена не понимала, когда он говорил, что «Он просто остановился. Ему нужна помощь, иначе он пойдет назад».

Мечтатель в детстве, реалист в юношестве и один из исследователей в Институте им. Профессора Н. Г. Иванова

в настоящем.

Уже год, как я работал в Институте администратором безопасности.

Без нового имени, без поддельного паспорта, без следов прошлого. Только с помощью хорошего и единственного друга. Это было тем немногим, что подняло меня из ямы отчаяния.

Шрамы на сердце и в душе более не кровоточили. Шрамы на руках и груди лишь изредка напоминали о себе. Как странно – что бы с человеком не произошло, всегда можно наполнить его взор смыслом, его губы – улыбкой, а голову памятью. Но вот от последнего я как раз и отказался.

Любовно возвращенная амнезия расцветала иллюзией счастья в моменты, когда пустота в сердце казалась единственной радостью, всего лишь отсутствие боли давало силы на следующие шаги.

Лишь тени снов по утрам пытались поставить все на свои места.

В 2010 случилось нечто. Профессор Иванов закончил труд всей своей жизни. Вышла первая серийная модель «Феномена». «Феномен-1» представлял собой все тот же дисковый телефон, с дополнением в виде некой док-станции, к которой подсоединялись все те же соединительные кабели. Все модели этих самых док-станций, вплоть до недавно вы-

шедшей «Феномен-3» могли подключаться к обычным дисковым аппаратам. Но, что самое главное, – все эти модели были упакованы в титановый корпус, не имеющий никаких стыковочных швов, болтов, соединителей. То есть вообще ничего, не считая дисплея с надписями «Online» и «Offline».

Говорят, что конкуренты пытались разобрать первые «Феномены», но при открывании его, срабатывал механизм, отвечающий за безопасность прибора и выжигал всю начинку на материнской плате.

– Скажите, профессор, почему именно дисковый аппарат? Вы ведь знаете, что наши зарубежные товарищи платят за них гораздо больше, чем жители России, которые могут приобрести лишь базовую модель «Феномена». Не говоря уже об их проблеме с тональным режимом.

– Это сложный вопрос. Особенно в области коммерческой деятельности, в которой я ничего не смыслю, – смеется. – Все дело в импульсе. Только с его помощью я смог связать феномен-сигнал и входящие-исходящие сигналы в едином устройстве. Тональный режим – это всего лишь набор цифр, который не может быть преобразован в голос «феноменов». Отсюда и выбор аппарата – современные модели не зря называются «цифровыми» – они лишь эмулируют импульс, подстраиваются под него, потому сигнал в них и отсутствует. Во-вторых, я ретроград и патриот своей хоть и несовершенной, но все-таки любимой страны. – Смеется и улыбается, глядя в камеру.

– Отличный ответ, Николай Геннадьевич. И еще один вопрос – на сегодня последний. Как Вы относитесь к самому большому в истории человечества кризису веры, появившемуся в результате общения сотен людей со своими умершими родственниками?

Техник ходил по моей квартире уже три часа, вымеряя идеальную длину для проводов.

– Может оставить все, как есть? – спросил я, несмотря на то, что это меня, в принципе, совсем не устраивало.

Провода валялись по прихожей, технарь спотыкался об них каждые пять секунд, растаскивая грязь и бетонную крошку по всей квартире, не говоря уже о пыли, которая после секундного бурения стены казалась бесконечным туманом, который уже не прогнать.

– Думаете? – переспросил он.

– Почему бы и нет? Позже я их и сам смогу убрать, – «Или оставлю их здесь, чтобы каждый входящий ко мне человек интересовался именем и фамилией того техника, которого не стоит приглашать для установки аппарата».

Мои мысли, скорее всего, отразились на моем лице, которое уже с трудом сдерживало раздражение, потому что человек с бэйджем «Максим – младший техник по установке и обслуживанию оборудования. ОАО Ф-связь» слегка отстранился от меня, когда поднял свое лицо, тонированное пылью.

– Хорошо, как желаете. Сейчас нужно будет расписаться в паре документов и я установлю Вам счетчик.

Он возился с оформлением документов, покусывая свою ручку каждый раз, когда забывал, что и в каких графах нужно указывать. На секунду я подумал, что не стал бы давать ему свою ручку в качестве запасной, чтобы он ее, чего плохого, не изгрыз до стержня.

– Так, Вы в курсе, что наша организация не несет ответственности за отсутствие связи по причине ее оригинальности и, эм-м-м, неординарности. Также Вы проинструктированы о наших тарифах, та-а-ак... Первые десять минут бесплатно, так как возможна длительная наладка связи и голосового контакта. После чего Вам предоставляются 30 минут по 350 рублей каждая... И потом, если Вы будете продолжать разговаривать или захотите продлить тарификацию, Вам будет назначена тарификация в размере 250 рублей за минуту.

– Молодой человек, я слушал это в течение 40 минут, пока оформлял заявку, и Вы так же рассказали об этом сразу, как только пришли. Я знаю, что цены не низкие, особенно учитывая размер оплаты за подключение, не входящий в заоблачную стоимость самого аппарата. Давайте я лучше просто распишусь, а Вы пойдете и дальше зарабатывать деньги.

«Максим – младший техник...» одарил меня подозрительным взглядом и развернул планшет с бумагами ко мне. Я без труда нашел пять посадочных мест для подписи и расписался.

Стоя в дверях, техник развернулся и спросил:

– Если не секрет – с кем Вы будете..., то есть хотите поговорить?

– Это не ваше дело, – сегодня я был сама вежливость.

– Я просто хотел сказать еще кое что... – он немного помялся, словно говорил нечто запрещенное законом или политикой его организации. – Не надо ожидать чего-то от разговора. Наверняка Вы слышали о скандалах, которые крутятся вокруг Фенофона с самого момента основания...

– Как... Как Вы его назвали?

– А-а... Фенофон-то? Ну, в народе так называют аппарат Николая Геннадьевича. Типа «Феномен» и телефон сразу.

Я улыбнулся. Максим, похоже, порадовался, что хоть немного разрядил обстановку.

– Так вот – многие люди разочаровываются в чем-то, особенно в вере...

– У меня не осталось ее, – ответил я и закрыл за ним дверь.

Правдивость произнесенных слов не произвела на меня никакого впечатления.

Я закрыл дверь и сел на пол, прямо в прихожей, прямо на пыль и грязь. Сказывалось напряжение. Я ведь не спал два дня с того момента, как оставил заявку на установку этого... хм... «Фенофона». Мне не верилось, что это может сработать.

Последнее, что помню – провода очень неудобны под зад-

ницей, особенно когда засыпаешь в прихожей на холодном паркете.

Меня разбудил звонок. Не стационарного телефона, не мобильного...

Непривычная трель дискового аппарата, оставшегося еще от бабушки, забытыми мотивами разрывала голову на части. Я поднялся с пола и подошел к телефону.

Над покусанной и поцарапанной надписью «В-одяшии - во-ок» мерцала зеленая лампочка.

– Алло...

– П... ч... к... – и гудки

С того дня прошло еще двое суток, во время которых я сразу приходил с работы и ложился на кушетку, специально пододвинутую мной к проходу в прихожке, чтобы можно было нормально лежать в ожидании звонка.

Провода, словно живые змеи, уже свили себе гнездо из своих резиновых тел, моей обуви и почты, которую я кидал на пол сразу же, только входя в квартиру.

Белый настил из строительной пыли и бетонной крошки, оставшийся после визита монтера, можно было использовать в криминальной хронике в качестве практического дела – слишком уж много следов моих ботинок, тапок и носков запечатлелось на нем.

Я перекусил на скорую руку и снова лег на кушетку рядом с «Фенофоном».

И в этот момент раздалась мелодия Бетховена.

Домашний телефон.

– Слушаю.

– Привет, до тебя сложно дозвониться. – Это был Павел.

– Что-то случилось?

– Нет, хотел переговорить с тобой об аппарате.

– А что с ним?

– Понимаешь... – он тщательно подбирал слова, словно боялся обидеть или задеть что-то личное, настолько глубоко впившееся в грудь, что даже прикосновение к нему могло вызвать приступ боли. – Я знаю, что тебе уже поставили его. Но я хотел напрямую спросить у тебя – ты в самом деле этого хочешь?

– Я не знаю... Да, хочу.

– Подумай дважды, прежде чем поднимать трубку. Ты ведь знаешь, весь мир на грани технических, социальных, моральных... Да и черт еще знает каких революций. Мир сильнее тебя, ему лет больше. Сможешь ли ты все это вынести?

Я молчал. Лишь прокашлялся в трубку, давая ему понять, что я все еще слушаю. Хотя мне стоило прокашляться – ком в горле мешал дышать, казалось, что голова кружится.

– Сам пойми – все только и талдычат о том, что *они* очень разговорчивы. Не то, чтобы я имел что-то против Натальи...

Я бросил трубку. Рубеж уже перейден.

Еще через два дня звонок Фенофона повторился.

– Да? – тихо и вкрадчиво сказал я в трубку, боясь, что связь пропадет, если я буду громко разговаривать.

– Привет! – О! Боже! Это была *она*... – Я думала, как начать разговор. На ум пришла только реплика девчонки из звонка.

Я слышал, как она тихо хихикнула в трубку, несмотря на ужасный шум и помехи на «линии».

– Ты умрешь через се... – ее смешливый голос оборвался щелчком и гудками.

Диктор говорит: «Все больше волнений происходит во всех религиозных центрах и общинах по всему миру. Все культуры от христианства до иудаизма и ислама испытывают сильнейший упадок веры, возникший в результате открытия небезызвестным русским ученым Николаем Геннадьевичем Ивановым неких феномен-импульсов или феномен-связи. Что же это такое, попытались сегодня выяснить мы».

На другом канале пожилая женщина с пеной у рта кричала в камеру: «Это все ложь! Не может быть того, что *они* нам говорят! Это все мистификация, как же ВЫ ВСЕ не понимаете этого?!»

На третьем канале другой уже диктор рассказывает о том, как он провел эксперимент и поговорил по установленному за счет телекомпании аппарата «Феномен-2» со своим усопшим отцом. Все подробности в эфире.

На другом канале...

На другом канале...

Даже мультфильмы отменили.

– Не надо, – грустно сказала-ответила она, словно поняв то, что было не произнесено.

Я промолчал.

– Знаешь, все сложилось не так уж и плохо, – тон ее голоса посерьезнел, но не сильно. – Нам запрещено говорить о том, кто нас окружает здесь, что мы делаем, для чего. Я лишь хочу, чтобы ты знал – тебе не за что извиняться и чувствовать себя виноватым. Теперь, *здесь*, я знаю это и уверена в этом так сильно, как никогда раньше. Пойми, что тебе нечего мне рассказать, потому что я итак знаю все.

И она рассказала мне. Рассказала о том, что нет Бога, во всяком случае, того, что мы представляем себе, произнося это слово; что нет Света и Тьмы (именно так – с большой буквы), нет ничего из того, что было написано в древних и не очень книгах, созданных лишь для очернения чистых разумов, для контроля над ними, для манипуляции родом людским. Есть лишь день и ночь, свет и тень, есть начало, но нет конца, есть Альфа, но Омега находится позади нее. Есть только жизнь, которая дана каждому, чтобы он прожил ее с достоинством, набрался опытом для следующего шага, в следующую жизнь. И так без конца.

О том, что нет других миров, потому что другие миры – это мы.

Нет параллельных вселенных, потому что параллельные

вселенные – это мы.

Нет микромиров, хранящих свои тайны позади атомной структуры, за молекулярными слоями, потому что и там – тоже мы.

Мы – люди. Мы – человек. Мы все и каждый из нас по отдельности – Вселенная.

И не нужен ни интеллект, ни Бог, чтобы быть счастливым, потому что каждый из нас достоин жить.

Я чувствовал себя гораздо лучше. Мы разговаривали уже полчаса и создавалось ощущение, что никто никуда и не пропал – просто болтаем по телефону, как в старые, добрые времена. Как в институте, когда только познакомились.

– Помнишь, как мы с тобой разговаривали по стационарному? – спросил я, улыбаясь.

– Ага, у тебя не было денег на мобильнике, и ты постоянно отправлял маячки и запросы о пополнении баланса, чтобы я тебе перезванивала. А потом я узнала, что ты сидишь на попе в прихожке, даже не додумавшись стул притащить.

– Мы вместе рассмеялись. Не было ничего в прошлом, не будет ничего в будущем. Есть только два хороших друга, которые уже очень давно не виделись.

Я рассказал ей о работе, не сказав ни слова о том, что было до нее, я рассказал о «смешных историях в психушке, рассказанных мне неким-знакомым-который-там-работает». Мы вместе смеялись над старыми шутками, над шутками, смысл которых был понятен только нам двоим.

Мы здорово проводили время вместе. Будто не было ни помех на линии, ни шума, я закрывал глаза и видел ее – такой, какой она запомнилась мне в расцвете своих лет.

– Эх, знал бы ты, как тяжело мне было понять происходящее вокруг, в первые отрезки времени, – она уже говорила, что *у них* нет ощущения времени в привычном для нас исчислении. – В какой-то мере – каждая смерть – это смерть для всех жизней, которые заполняют меня, и каждый раз они все недоумевают, типо «Это как так? Я что не в своей постельке в окружении внуков?» или «Проклятые мерзавцы, я Вам пока... Где я?» и все в том же роде.

– А ты действительно со мной сейчас разговариваешь или... м-м-м, даже не знаю... общаешься мысленно? Просто мне до сих пор сложно представить, как духи могут разговаривать с нами *ртом* и *по телефону*!

– Ну, за это спасибо этому Вашему ученому. Нет, не ртом, конечно, и не по телефону. Просто этот аппарат нужен для Вас, чтобы слышать и говорить. А я всего лишь концентрируюсь на той жизни, в которой ты знал меня как Наталью и! Та-да!

Так долго подряд я уже не улыбался, по меньшей мере, месяца три. Да точно, как раз около трех месяцев назад мы сидели с Пашкой в торговом центре между сеансами в кино-театр и ели мороженое. В тот день мы посмотрели три комедии и мультфильм, причем мультфильм был настолько хорош, что мы пошли на него еще раз.

– Ладно тебе пора, – Натка решила поставит точку. –
Помни, что каждый достоин жить.

– А что происходит с самоубийцами, – мрачно спросил я.

– Они остаются на второй год. – Она усмехнулась. – Нет, я серьезно, каждому из нас уготован свой путь. Именно поэтому старцы-отшельники просиживают пол-жизни в пещерах, а потом выходят наружу, чтобы поделиться накопленной мудростью и чудесами неизведанной природы, а потом стать святыми мучениками. Потому что нельзя всю жизнь *сидеть в заточении в ожидании чуда*. Нужно проживать свою жизнь так, как предначертано. А самоубийцы... – она так легко об это говорила, словно рассуждая о списке покупок. – Они возвращаются в свою предыдущую жизнь, чтобы прожить оставшееся время в другом теле. Бывает ведь, когда дети погибают совсем маленькими.

– Знаешь, я до сих пор не понимаю той легкости, с которой ты говоришь о таких ужасных вещах...

– Потому что *это нормально*. В смерти нет ничего противоестественного. – Она чуть помолчала. – У Вашего мира еще столько открытий впереди...

И все... Гудки и белый шум...

– Алло, Паша. Пойдем в кино. Да, конечно, можешь и Маринку с ребенком взять. Я, так скажем, угощаю.

Я положил трубку. Взял большой лист бумаги и написал на нем лежавшим рядом со стационарным телефоном марке-

ром: «До лучших времен». И накрыл этим листком «Фенофон», после чего вытащил из него все соединительные провода. Когда-нибудь, может быть, эти лучшие времена наступят.

Выходя из квартиры, я не стал выключать свет. Если сегодня его зажгли во мне, почему я должен его прятать? Пусть все видят.

05.11

Заложники

1. Школьница

Представьте, что Ваш ребенок учится в школе. Ему от двенадцати до шестнадцати лет. Он не является надеждой школы, но и не разочаровывает своими неудачами. Вполне себе среднестатистического ума подросток.

Да, иногда он может попасть в дурацкий переплет со своими друзьями – все-таки можно себе представить подобную картину. Юношеский максимализм, первый опыт общения по-серьезному, первая влюбленность, первый алкогольный напиток. Все первые моменты вы переживаете вместе с ним, словно погружаясь в то время, когда сам был таким же глупым и самонадеянным.

И однажды ребенок, этот самый среднестатистический школьник, просто не возвращается домой. Пуфф! И в назначенное время не раздастся звонок в дверь. Или не звонит мобильник в привычный момент, когда на работе берешь себе обеденный перерыв в определенный промежуток времени, чтобы услышать, как у твоего чада прошел день в школе.

Ничего не происходит так, как обычно.

Какой будет Ваша реакция? Какие мысли успеют промелькнуть в голове между походами к соседям за валерьян-

кой и звонками в местные социальные службы и неотложки? Возможно, мысли станут пусты, и жизнь потеряет всякий смысл, останется лишь тревожное существование? А может найдутся даже такие родители, которые не обратят внимания, особенно если отпрыск уже позволял себе подобные вольности ранее?

Но чета Деминых была не такой. Дмитрий и Мария уже начали ощущать в теле недомогание от постоянного недосыпания и передозировки легальными и не совсем успокоительными. Но и ситуация была нестандартной.

Ведь Юлии Деминой, пятнадцати лет, не было дома уже больше трех недель.

Она пропала неожиданно и при очень странных обстоятельствах. В квартире всегда висели графики согласованных школьных туров, которые совпадали с выходными днями Дмитрия или Марии. Они старались следить за посещениями дочери различных экскурсий, требующих присутствия на несколько дней, одним словом — всегда выезжали из Петербурга для посещения музеев и проведения культурных мероприятий на свежем воздухе вместе с дочерью. Более того — иногда казалось, что им также удалось совершить практически невозможное — их дочь была очень пунктуальной и точной касательно вечерних прогулок и посиделок с друзьями и подругами, которые, к слову будет сказано, очень нравились родителям Юли.

Она не пила и не курила, что выглядело парадоксальным

на фоне окружающих ее молодых людей и девушек. Стоило обратить внимание на то отвращение, с которым она смотрела на ровесников, употребляющих дешевые коктейли и пиво в грязных подъездах или прямо на улице; на осторожность, с которой она проходила мимо прокуренных тамбуров и помещений...

Юля была спокойной девочкой, даже несмотря на недавно открывшееся пристрастие к неформальным компаниям и тяжелой музыке, на сотни ссылок с группами «по интересам», полных татуированными лицами и проколотыми телами. Это казалось мимолетным увлечением, искрометным бунтом против обыденности, что выглядит таким желанным и даже необходимым на определенной стадии взросления. Спокойствие родителям внушал и все тот же аккуратный внешний вид любимой дочери, что сохранился прежним, даже несмотря на смену круга общения, — ее любимые классические джинсы, кофточки, светлые куртки — ничто в ее внешности не говорило о модных пристрастиях.

В день, когда была поднята тревога, дочь должна была вернуться с первой «одиночной» экскурсии из Москвы. Она так долго просила родителей уже наконец отпустить ее одну, что они не устояли — а ведь действительно — чего можно опасаться? Особенно когда в поездке участвует больше двадцати человек, самый лучший класс среди районных школ, выигравший на олимпиаде право на посещение крупнейших музеев двух столиц.

Двое суток Юля звонила родителям, сообщала об интересных местах, что проносились перед ее глазами в бесконечной экскурсии, говорила, что пару раз они даже не успели перекусить, из-за очень напряженного графика. И не уставала повторять, что очень любит маму и папу и никак не дождется вернуться домой, принять теплый душ и позволить себе отдохнуть как минимум пару дней.

И вот, когда родители узнали от классного руководителя, самой Юли и ее лучшей подруги, что автобус уже подъехал к школе, Мария, что была свободна в тот день, осталась дома, чтобы дожждаться дочери, которую, как ей казалось, она не видела уже целую вечность.

Они разговаривали по телефону всю дорогу, пока Юля направлялась домой, перекидывались бесконечными новостями, Мария спрашивала, что дочь думает о предстоящих экзаменах, та отвечала невпопад, перебегая дорогу — это все было столь обыденным для них.

– Ладно, мам, давай, я уже вижу наш дом, сейчас приду, – сказала Юля и бросила трубку.

Мария Демина, так же, как и всегда, подошла к двери квартиры, располагавшейся на третьем этаже панельного дома, чтобы проследить путь дочери и встретить ее, так сказать, у самого порога.

Наконец, дверь в парадную открылась и внизу показался взмах тени, мимолетный силуэт, постепенно приближавшийся к Марии. Но шаги приближающегося человека бы-

ли слишком тяжелыми и медленными, чтобы это была Юля, всегда порхавшая, словно маленькая фея. Тем более, благодаря ее маленькому росту, миловидному лицу и привлекательной фигуре, она действительно походила на это сказочное создание.

Мимо пролета третьего этажа поднялся сосед из квартиры выше.

– Извините, Федор Петрович, вы не видели Юлю, она должна была уже подойти к подъезду? – Мария едва скрывала панику в голосе, но ведь ничего еще не случилось, правда?

– Нет, Маш, я как раз разговаривал с сыном по телефону. Я сидел на лавке внизу и никого не видел.

В тот день Юля так и не появилась дома.

Три недели спустя, в квартире бизнесмена средней руки Дмитрия и парикмахера-на-дому Марии присутствие органов власти, целой тучи родственников и следователей было вполне нормальным делом. Хотя за последние дни их напор ослаб, а журналисты и вовсе не появлялись уже через неделю после инцидента, сотрудники полиции все еще сообщали о том, что следствие ведется, в который раз допрашиваются одноклассники, учителя, присутствовавшие в тот день у автобуса, но результатов все нет.

Это все было так странно... Десятки знакомых и много больше незнакомых людей посещали эту квартиру, несколько потускневшую за последние пару недель, все спешили сказать слова сочувствия и поддержки, а Мария все силь-

нее думала о самоубийстве. В глубине души она понимала, что это глупо, что глупее поступка и быть не может, но это не умаляло того факта, что каждый раз, принимая ванну вечером, она брала с собой лезвие и игралась с ним, будто примеряя движение, которым рассечет свою жизнь на до и после пропажи дочери, и «после» уложится в совсем короткое мгновение. И только предательская человеческая трусость останавливала ее от этого шага, заставляя все сильнее рыдать от потери самого любимого человека в жизни.

Естественно, она во всем винила своего мужа, что начал выпивать все больше с каждым днем. Она делала это не всегда открыто, чаще всего просто думала о том, что его дела и его бизнес погубили их семью, что дочь похитили или убили из-за долгов. И муж, несомненно, знает о произошедшем, но боится говорить об этом, потому так много пьет.

И в те моменты, когда квартира темнела и всасывала внутрь все чувства и мысли, заполняясь лишь пустотой и ненавистью, Мария включала воду и ложилась в ванну и, лежа в единственной позе, столь неудобной, что когда вода доходила до груди, резкая боль сразу разрежала заостеневшие мышцы спины, чувствовала лишь остывание воды. Лезвие было припрятано за переливом.

Раздался звонок.

Дмитрий подошел к двери, чтобы узнать, кто же на этот раз захочет поделиться частью своего милосердия или разделить их слезы — по другим причинам к ним перестали за-

ходить, словно весь мир сомкнулся на их горе, что еще больше прогибало их спины под тяжестью утраты.

Но за дверью никого не было. Как это ни странно, но Дмитрий даже мимолетно улыбнулся, представив, как некий пацаненок, не имея ни малейшего представления об их горе, жмет кнопку звонка и тут же несется вниз, растянув улыбку от глупой, но все-таки довольно веселой шутки для самого исполнителя.

Не обнаружив злоумышленника, Дмитрий отправился вниз, решив проверить почту. Лестничная клетка была вымыта, даже остаточный запах хлорки не мог перебить своеобразной свежести, тянувшей из открытых между первым и вторым этажами окон.

Из почтового ящика торчал конверт. Дмитрий аккуратно взялся за уголок белой бумаги, та выскользнула из сухих пальцев. Еще раз подцепив едва отросшими ногтями хитрый уголок, Дмитрий подумал, что он даже не захватил с собой ключи, и хорошо, что хоть одно письмо оказалось легко доступным. Но, выкорчевав конверт из прямоугольной секции с подкрашенным номером 31, он не увидел в темноте прорези ничего другого.

Не вскрывая конверта, который походил на те, что обычно содержат в себе «письма счастья», даже не взглянув на его лицевую сторону, Дмитрий еще раз осмотрел лестничные площадки, поднявшись, посмотрел в пролет со своего этажа и, закрыв за собой дверь, направился в комнату, будучи по-

груженным в свои мысли.

Думал он уже не меньше недели лишь о том, что ему пора разводиться. И, естественно, он говорил себе, что ни в каком случае не прекратит поисков дочери, но только не рядом с ней, со своей женой. Она становилась просто невыносимой в последние дни. Все чаще стали происходить ссоры из-за надуманных поводов, хотя Дмитрий был достаточно умен, чтобы понимать их истинную причину.

Она ненавидела его. Это нельзя было наиграть или выдумать, когда он видел в ее глазах ненависть, в эти моменты он чувствовал лишь грусть. Мария Демина по-настоящему ненавидела своего мужа, а уж причины приходили сами собой. Стресс стрессом, а в пропаже дочери он был не виноват, в этом он был уверен. Конечно, он был мало знаком с миром современной экономики, и уж тем более в девяностые он работал обычным младшим инженером с непривлекательной для криминальных лиц зарплатой. И даже сейчас, когда его предприятие пошло вверх, оно не приносило столь ожидаемых доходов.

Дмитрий неоднократно думал, что вряд ли кто-то стал бы похищать его девочку из-за денег фирмы, особенно когда ее генеральный директор живет в «хрущевке» и каждый день принимает по утрам контрастный душ, благодарно обеспеченный старой газовой колонкой и плохим напором воды.

Конечно, можно было допустить, что ее похитили какие-то отморозки с целью получить хоть какую-то наживу,

но уж точно не знавшие о его финансовом положении. Но никаких требований не выдвигалось.

И, как в каждый раз, Дмитрий даже не касался тех мыслей, где его любимица, его умница Юленька, была убитой. Этого просто не могло быть. Невозможность такого исхода событий была столь очевидной, что эти мысли не напоминали о себе вовсе. Мария тешила себя тем, что материнское сердце обязательно почувствовало бы смерть дочери, а Дмитрий старался мыслить немного логичней, оправдываясь тем, что ее именно похитили, ведь Юля уже входила в подъезд, а убийство уже давно бы раскрылось.

Дмитрий кинул конверт на тумбочку в прихожей.

– Кто приходил? – раздался голос его жены из комнаты Юлии.

– Никого не было, может детвора играет, – механически ответил Дмитрий.

Его взгляд был прикован к конверту, который был абсолютно белым, без адресов, без марок и штампов — обычный конверт, в котором могут находиться либо деньги, либо письмо, врученное из рук в руки.

– Дорогая, ты не могла бы подойти, – сказал Дмитрий, не решаясь вскрыть конверт самому.

– Что ты сказал? Не слышно!

Дмитрий не стал отвечать. Перед его глазами уже пронеслись печатные буквы с требованием денег в обмен на дочь, в мыслях Дмитрий уже прокручивал всевозможные вари-

анты займов, ссуд в банке, продажу своего дела, которое так кстати поползло вверх в цене. Можно будет попробовать обратиться в какие-нибудь фонды помощи, если конечно в России такие есть...

– Что ты там говоришь? Ничего же не...

Мария вышла из комнаты дочери, в которой она проводила почти все свободное время в последние дни; растрепанная и не покрашенная — она выглядела практически стопроцентным антиподом своего бывшего внешнего вида, когда она приводила в порядок волосы и наносила макияж даже когда никуда не собиралась идти.

Она увидела Дмитрия сидящим на полу в прихожей с отрешенным взглядом, направленным куда-то в сторону телефонной розетки, скрытой за тумбой.

– Что случилось? – сразу же спохватилась она. Мария сразу же услышала в своем мозгу фразы «Ее нашли», «Ее нашли мертвой», «Ее видели в аэропорту»...

Как кот Шредингера, дочь Марии Деминой была сейчас одновременно мертва и жива в ее мыслях.

– А? Что? – Дмитрий словно отошел от наркоза. Помотав головой он сразу встал, отряхнулся и указал на конверт. – Достал из ящика.

Мария вскрыла конверт, не раздумывая ни секунды.

Под внешней оболочкой оказался двойной лист, вырванный из тетради в линейку. На нем были приклеены буквы, вырезанные из газет. Но в отличие от тех, что Дмитрий ви-

дел в кино, эти все были черно-белыми, даже, казалось, выполнены одним шрифтом, только разных размеров.

Текст гласил:

ПослеЗавтра в 13—45

Вы выйдете в Скайп

под Следующим логином

«qwdPotr2008»

Пароль 000444

P. S. Можете звать Полицию мне

Все равно

Мария посмотрела на мужа. В ее глазах стоял ужас, даже несмотря на то, что теперь они хотя бы знали, что их дочь жива.

В назначенное время, за компьютером Юлии собрались пять человек.

Дмитрий и Мария сидели на диване, пристально наблюдая за происходящим. Следователь, мужчина лет сорока по имени Владислав Валерьевич, который, тем не менее, продолжал настаивать, чтобы его звали Владиславом, выдавал указания подчиненным.

Но слушал его только Антон — молодой специалист по компьютерным технологиям в правовой среде. Их отдел давно сидел без работы, поэтому он считал, что это дело, свя-

занное с пропажей школьницы, легко может стать отправной точкой в его карьере.

Пока Антон слушал инструктаж по всем необходимым психологическим техникам в общении с террористами, которые, конечно, вряд ли бы емугодились, ведь разговаривать с ними он не собирался; с компьютером возился Паша — еще один технарь-программист, который назывался так вовсе не потому, что к нему обращались по мобильному с просьбой показать «где нажимается вход в интернет».

Нет, Паша был одним из компьютерных гениев, которые всегда совершают нечто очень важное для мировой общественности, не способной даже запомнить их имена. Возможно, что ему вряд ли суждено было стать новым Джимми Уэйлсом или Джобсом-Гейтсом, но для своих двадцати двух лет, он уже успел сделать существенный вклад в интернет-технологии. Не говоря уже о чипах, которые носили в своих портативных приставках последнего поколения все любители халявы; где на маленьких картах памяти, первоначально собиравшихся вручную, все так же стояла подпись НарРi-Рi – профессиональный никнейм нашего хакера.

К трем четвертям второго все было готово — была настроена веб-камера, микрофон, и к компьютеру была также подведена специальная приставка — гордость Павлика — мини-роутер, который мог перехватывать всю информацию об интернет-соединении, причем идущую не только от провайдера, но и от всех сетевых подключений в интернете, будь

то порно-сайт или переписка через «аську».

Антон же подключился к компьютеру хозяев через свой старенький АйБиЭм, параллельно подсоединившись к Скайпу для записи разговора и анализа местоположения и связи неизвестного.

Когда пошел звонок и Владислав уже заканчивал выдавать необходимые инструкции родителям, никто и предположить не мог, каким неожиданным окажется разговор.

Антон нажал в своем ноутбуке кнопку приема вызова и убедившись, что синхронизация с компьютером полная и стабильная кивнул начальнику.

Дмитрий не знал, что ему нужно делать — перед ним, в мониторе, образовался черный квадрат — провал в том месте, где обычно он наблюдал лицо собеседника.

– Алло... Алло! – суетливо заговорил он, ощутив внезапный приступ страха и волнения.

Паша показал жестом, что все в порядке, IP отслеживается и... вдруг его лицо охватила паника, цифры на экране его мини-роутера начали меняться с бешеной периодичностью. КПК, который был подключен к нему для проверки сведений, будто сошел с ума, страницы с цифровыми массивами заполнялись с бешеной скоростью, будто сотни компьютеров сменяли друг друга в непонятной чехарде. Паша раньше никогда с таким не сталкивался.

А в это время на экране домашнего компьютера Деминых появилось видео.

– Всем добрый день. Дядя Дима, Мария Николаевна. В данный момент вы видите лишь видеозапись, поэтому не нужно лишний раз портить свои нервы, пытаясь докричаться до меня. Ой, извиняюсь, наверное, нужно включить свет, чтобы вы могли поздороваться с дочкой.

Изображение, которое было едва различимым в темноте вдруг озарилось светом и Мария Демина почувствовала, что голова начинает кружиться и ей катастрофически не хватает воздуха.

– Максим?.. – только и успела удивленно прошептать она, прежде чем потерять сознание.

На экране монитора появилось лицо Максима Картанова, семнадцати лет, давнего друга их дочери, помогавшего в подготовке к экзаменам.

2. Заложник

Мария сидела за монитором и уже, как минимум, в пятый раз, просматривала запись от этого мелкого засранца, которому они когда-то доверяли. Она пришла в себя как раз в момент, когда Паша с Антоном уже заканчивали свои бесполезные манипуляции в попытке выследить сигнал. Единственное, что они смогли понять, так это то, что запись была выложена через анонимный аккаунт Youtube, в котором была заблокирована для просмотра, что пресекало попытки обычных интернет-серферов наткнуться на материал.

Каждый раз, когда глаза Марии выхватывали в ворохе пикселей дочь, слезы наворачивались в ее глазах, она не могла сдерживать рыданий, ее руки безвольно били в грудь, изо рта вырывался лишь глухой хрип.

В первые секунды видео сторонний зритель не обнаружил бы ничего противозаконного в происходящем — Максим, спокойно улыбаясь, обращался прямо в камеру, не отрываясь от своего занятия — держа в руках, покрытых хирургическими перчатками, словно омертвевшей кожей, ножницы и ворох газет, он методично, практически не глядя, вырезал по одной-двум буквам, после чего наклеивал их на письмо, не попадавшее в кадр.

— Так вот, поскольку это всего лишь запись, вы можете успокоиться и выслушать меня столько раз, сколько захоти-

те. В Ты-Трубе вы можете зайти через те же самые логин-пароль, что я дал вам для Скайпа и посмотреть на это видео еще не один и не два раза. Естественно, я не считаю нужным сообщать о том, чтобы настройки приватности видео не трогались. — С этими словами его губы сошлись в обычной улыбке, не скрывавшей в себе совсем никаких негативных эмоций.

Потом он положил ножницы и обрывки газет на место, продемонстрировал получившийся вариант сообщения, который Мария могла наблюдать под левой рукой, слегка промокший от слез.

А дальше... Максим поправил камеру и в объективе появилась Юлия. Она сидела на стуле с высокими ножками и подлокотниками, вокруг которых были отчетливо различимы огромные мотки скотча, обвивавшие жертву и стягивавшие ее белыми жилами. Она могла пошевелить лишь кистями и головой, однако не была в состоянии сделать даже этого — в ее глазах читалось усталость и боль, лицо было красным, все в испарине — видимо Юля боролась с путами не один час.

— Не бойтесь, я не всегда держу ее связанной. У меня есть отличное место для содержания вашей дочери.

В руках Максима появился пистолет — плохо различимый в сомнительном качестве изображения, но Владислав определил его как боевой, или хотя бы травматический, что тоже не предвещало радостного исхода без знания его моти-

вов.

– Итак, первый сеанс связи сейчас будет завершен. Просто хотел показать вам, что ваша дочь в порядке. Все инструкции будут приходит на выданный вам аккаунт в виде текстовых сообщений. До связи.

И видео оборвалось спецэффектом по типу выключения старого телевизора, когда изображение сползается в тонкую нить.

Мария откинулась в кресле, бросив голову, кишашую болью и дурными мыслями на спинку. Она не видела и не слышала, как кричал ее муж, когда в первый раз увидел видео-сообщение в окне Скайпа, он чуть не разбил монитор, крича: «Верни мою дочь, ублюдок!»

В ее голове просто не помещалась мысль, что семнадцатилетний пацан, с которым они вместе с Юлей посещали культурные мероприятия по школьной программе, который учил их понимать современные шутки из интернета, который советовал им фильмы для

просмотра. Он был очень хорошим другом не только их дочери, но и Диме, да и ей самой тоже. А теперь он оказался по ту сторону баррикад, куда осмелился затащить Юленьку, желая использовать ее в своих гнусных целях.

А еще ей было стыдно. Мария стыдилась не только того, что не распознала в малолетнем знакомом угрозы, даже тогда, когда Юля в первый раз включила в своей комнате тяжелую музыку, столь незнакомую стенам их квартиры. Она

стыдилась своего гнева к мужу, стыдилась мыслей, в которых желала смерти Максиму. Казалось, что собственный разум взбунтовался против ее здравого смысла.

– Черт! Вот сукин сын! – вскрикнул Паша, так громко и яростно, что все присутствующие вздрогнули.

– Твою мать, не кричи так! Что случилось? – сказал Владислав, прижимая микрофон мобильного телефона ладонью.

– Этот урод смотрел за нами, когда мы все уперлись в видео.

– Ты серьезно? – подбежал Антон, бросив свою базу данных.

– Да, я отследил поток данных идущий от компьютера жертвы...

Владислав еле удержался, чтобы не врезать подзатыльник глупому «гражданскому». Вместо этого он несильно сжал ему плечо и сказал на ухо: «Не вздумай еще раз повторять это слово при родителях девочки, ты понял меня?»

Паша не проходил специальных курсов по общению с террористами и их жертвами, но даже без этого ему хватило ума и стыда, чтобы, потупившись, покраснеть, поняв, что ляпнул совсем не то.

– Да-да, понял, – буркнул он, готовясь рассказать о своем открытии еще немного.

Паша был довольно высоким парнем и, будь он немного подвижней, стал бы весьма неплохим спортсменом, да хотя бы баскетболистом в школьной или университетской

команде. Но он был довольно ленив, когда дело доходило до спорта, поэтому Владислав и Антон наблюдали его почти двухметровое тело, практически вдвое сторбленное перед ноутбуком, облаченное в старые протертые джинсы и водолазку. На лице его красовалась жиденькая борода, говорившая о нелюбви к бритью, побеждавшую, как минимум, уже неделю.

– Так вот, смотрите. Здесь поток информации говорит о том, что этот Максим переключался с одного сигнала на другой, словно анализируя нашу реакцию.

С этими словами он включил видеопоток, который записывался с их веб-камеры. Почему-то никто не подумал о безопасности видео, когда звонок только поступил, и теперь в кадр попал и Паша и Антон, только Владислав предусмотрительно отошел в сторону.

– Да уж... – только и сказал он. Вообще-то Владислав хотел добавить, что по ту сторону экрана сидит довольно смысленный ублюдок, но он не решился расстраивать родителей девочки, сидевших молча вот уже с полчаса, только наблюдая за появлением дочери в кадре на записи.

Тем более, мысль об уме противника посетила и Антона, и Пашу.

– Итак, господа. У меня есть информация, – торжественно произнес Антон, привлекая к себе внимание.

Антон не отличался особой усидчивостью за компьютером и, более того, его даже раздражали длительные перепис-

ки по работе или составление отчетов — он был тем единственным в своем «IT-отделе», кто регулярно делал зарядку по утрам и любил проводить свободное время на турнике. Он по праву хвалился своей фигурой, и всегда, даже подосознательно, старался привлечь к себе больше внимания.

Компьютерная сфера была для него лишь работой, а не образом жизни.

– Максим Картанов, семнадцать лет, живет на Петроградке, я уже отправил наряд в его квартиру. Так, тут у нас что... Школьные олимпиады... математика, информатика... После восьмого класса скатился в тройки, практически забросил учебу. Ага! Его родители — Александра и Глеб Картановы! Ничего себе!

Владислав изумленно промолчал. Александра и Глеб Картановы — это не просто журналисты, они — легенда последних лет. Их репортажи всегда нарасхват расходились по всем центральным каналам и крупнейшим изданиям. Умудрившись не числиться на каком-либо отдельном телеканале, они являлись свободными репортерами высшего звена, о подобных раньше можно было прочитать только в книгах или узнать в интернете. Их репортажи из Африки, из горячих точек, с археологических раскопок — все были настоящими, живыми, заставляли прильнуть к экрану словно в поисках ответов на засевшие в мозгу вопросы. Настоящая легенда, разжигавшая интерес к журналистике в России.

– Подожди-ка! — сказал Владислав. — Когда ты говоришь?

В девятом?

– Да, в девятом классе... черт, точно... – они замолчали.

Именно тогда Александра и Глеб Картановы погибли во время взрыва на станции «Горьковская».

Каждый задумался о чем-то своем. Владислав вышел из комнаты, чтобы связаться с нарядом, отправленным в квартиру Максима, Антон бездумно проматывал колесиком мышки различную информацию, думая лишь о родителях, которым не звонил уже больше месяца. Паша задумался о том, что не лишним будет позвать маму с папой в кино, или, хотя бы в кафе, пообщаться, ведь они так давно не делали этого.

Естественно, в квартире никого не оказалось. Она выглядела пустой, будто никто не проживал в ней уже очень долго. На кухне, в духовке стоял системный блок. Кто-то из оперов даже хихикнул, когда был обнаружен такой «подарок».

– Смотрите-ка парни, только упаковочной бумаги не хватает.

Системник доставили через полтора часа, когда уже стемнело.

Владислав спросил у Дмитрия:

– Вы будете не против, если мы останемся у вас для дальнейшей работы? Поймите, что это огромный прорыв по сравнению с тем застоем, что был в начале расследования.

– Я не против, но вот Мария... Но я думаю, что вы сможете остаться. А почему вы не можете забрать все компью-

теры в участок или в другое место, где было бы проще разбираться с делом?

– Мы не знаем, как этот Максим отреагирует, если при следующей связи, которая может произойти когда угодно, он увидит другой адрес в сети. Безопаснее будет, если мы оставим все подключенным у вас.

– Ну что? Есть продвижение? – спросил Владислав, войдя в бывшую комнату девочки, которая стала похожей на серверную маленького компьютерного клуба.

– У меня есть немного. – Антон поднял правую руку, не отрываясь от монитора. – Паша сейчас пытается взломать информацию на «печеном» системнике, – так они прозвали привезенную из квартиры Максима находку, – а у меня не совсем утешительная информация. Ролик, который мы наблюдали, был смонтирован из трех частей, каждая не больше трех минут, и, что самое интересное, каждая была выложена на канал из интернет-кафе, расположенных в разных концах города.

Владислав обдумал сказанное. Картина была неутешительной. Парень знает, что делает. Не больше трех минут — значит наряд, моментально среагировавший на появление нового видео в сети, все равно не успеет взять его.

– Хорошо хоть не из Москвы... – едва слышно сказал Владислав. Но Антон его услышал и хмыкнул.

В это время Паша справился с защитой информации на жестком диске с привезенного ПК.

– Владислав Валерьевич! Есть инфа, – сказал он чуть громче, чем того требовал случай и время, но Владислав не отреагировал. Все-таки не стоит раздражаться на особенности ведущего специалиста.

– Что там?

– Видимо это был вспомогательный диск, потому что на нем нет никаких следов операционной системы или управляющих программ. Только личные данные.

– Что? Насколько личные?

– Э... Ну, как у всех, фотографии, видео, даже папки с играми остались.

– Проверь, это может быть полная хрень, для отвода глаз.

Паша кивнул и начал просматривать вручную, чтобы ничего не упустить, папку за папкой, которых на диске было не меньше пары тысяч.

– Так, и послушайте, что я вам сейчас скажу, – Владислав подождал, пока Антон и Паша отвлекутся от своих занятий. – У нас сейчас огромный прорыв в деле, и, не исключено, что мы сможем найти какую-нибудь полезную информацию, которая поможет нам найти террориста. Но! Никакой прессы, никаких писем в газету, в блоги, во всякие ваши социальные сети. Абсолютно ничего. Ясно?

– Черт! Социальные сети! – практически одновременно встрепенулись Антон и Паша.

Владислав ухмыльнулся.

– Вот и отлично. Работайте.

Паша проверял уже пятую социальную сеть, но только в двух нашел следы Максима, но лишь в виде удаленной страницы, ссылающейся на несуществующий адрес. Взяв на себя смелость покопаться в данных на серверах, он был очень сильно удивлен увидев лишь пробелы в портфолио объекта. Видимо, Максим тоже не преминул возможностью «подчистить хвосты».

Откинувшись на стуле, Паша взглянул на потолок. Эта мысль показалась ему глупой, но сейчас ему не хватало плаката с надписью «Чего уставился? Работай давай!», который висел у него на потолке прямо над компьютерным столом.

Да-а-а... Родителям он так и не позвонил, хорошо хоть догадался написать на рабочий почтовый ящик отцу, что сейчас работает над новым делом и расскажет все позже. Работа снова поглощала его с головой.

– Есть хочешь? – обратился он к Антону, не поворачивая головы.

Тот не ответил, слишком уж был поглощен изучением данных на диске из привезенного системника. Они ковырялись в нем поочередно, исключая возможность упустить какую-либо важную информацию из-за утомленности.

– Антон! – еще раз повторил Паша, уже громче.

– Что случилось?

– Пойдем куда-нибудь перекусим. Видимо ты еще не знаешь, что такое истощение организма от долгого сидения за компом.

– И с чего же ты так решил? Все-таки работаем с одним и тем же?

Паша усмехнулся, мимолетно оценивая внешний вид напарника.

– Это же очевидно... Ты следишь за собой, подтянут физически и одежда из дорогих магазинов. Видно, что большую часть зарплаты ты тратишь на себя.

– И что же в этом такого, а?

Антон едва сдерживал себя, чтобы не наехать на этого хлюпика, который имеет смелость критиковать его. Он бы с удовольствием посмотрел, как этот Паша начал извиняться, вытирая сопли с разбитой морды.

Но тот не отступал, более того, надменность в его выражении лица стала все более заметной, во всяком случае, так показалось Антону.

– Ты сперва послушай, что я тебе сказать хочу. Для тебя это всего лишь работа, я же... – он сделал небольшую паузу, словно погрузившись в свои мысли. Но, не найдя ничего оригинальней, сказал, – Я живу этим всем.

С этими словами он окинул руками компьютеры перед собой. После чего продолжил:

– Ты, наверное, решишь, что я всего лишь задрот... – он опять усмехнулся неприятному слову, – и у тебя есть все основания полагать так. Но требую проявить уважение к моей профессии, особенно к тому, что половину своих окладов я перечисляю детскому дому, в котором вырос.

Антон не знал, что ему и ответить. Он знал, что у Павла есть родители, а, в особенности, он полагал, без капли сомнений, что свои деньги тот тратит на игры и дорогие гаджеты.

– Так вот, пока ты ничего не ответил, то давай все-таки пойдем и пожрем, потому что я уже умираю с голоду, да и у тебя не наблюдается прорыва в работе. Подзарядке, знаешь ли, всем нужна.

За ночным завтраком в ближайшей забегаловке они успели обговорить очень многое. К удивлению Антона, который обнаружил, что за этим худощавым телом и усталым лицом с дурацкими очками скрывается довольно неплохой парень с крепким, между прочим, характером.

Оказывается Паша даже не стеснялся того, что родители отдали его в детдом, когда ему было меньше года. Там он и рос до четырнадцати лет, пока однажды не увидел в кабинете куратора мужчину, отдаленно напоминавшего ожившую фотографию из его тумбочки. Эта фотография, на которой была изображена свадьба молодой пары, была с ним столько, сколько он себя помнил, именно поэтому он сразу же узнал человека за дверью.

Да, это оказался его отец, который сообщил им, что они с мамой всю оставшуюся жизнь будут жалеть о своем поступке и хотели бы, чтобы он простил их и поехал домой.

– Да уж, ну и истории у тебя... – только и смог выдавить Антон, когда дослушал часть про воссоединение и всепро-

щение Павла. – У меня все было куда проще: обеспеченная семья, репетиторы, одержимость компьютерными играми, скандалы... А потом я просто сам понял, что меня больше не интересуют развлечения и пошел в милицию. Знал бы ты, как отец был зол. Он сказал – «Не для этого я дал тебе это образование»!

Они вместе посмеялись над тем, как Антон пародировал отца. Какое-то время они продолжали есть без слов. Паша смотрел в телевизор, висящий под таким углом и на высоте пары метров, что цвета старого «пузатого» телевизора сливались в пурпурный и о происходящем можно было судить лишь по звуку из хриплого динамика.

– А я первый раз нашкодил еще в детдоме, – прервал молчание Паша.

– Да ну?

– Да. Мне лет десять было. Ребята постоянно дразнили меня «подлизой», потому что я никогда не бесился, не убегал, не делал ничего «неправильного». Ну я и сказал им, что скоро они увидят такой прикол, которого им никогда не повторить. Но я не люблю ни насилия, ни дурацких шуток вроде тех, когда эти придурки обливали девчонок всякой всячиной от варенья до помоев.

Он продолжал рассказ о том, что в одном из классов было несколько компьютеров, подключенных к сети, и он нашел в интернете вирус, который мог выкидывать сообщение о различных ошибках при совершении определенных

действий, например, при открытии конкретной программы. Но это было лишь для практики.

Через некоторое время, когда вирус нашли и подчистили, он попросил одного из старших помочь ему с проникновением в этот класс ночью. И, хотя его несколько раз чуть не поймали, за пару недель Паша уже смог немного модернизировать вирус.

– Больше всего парням понравилось, когда директор вел урок и при открытии у всех Ворда, появлялась надпись «Что, печатать собрался, дружище? Забей, рубани-ка лучше в Контру» и открывалась Контра. И так со всеми офисными программами, от блокнота до PowerPoint. Причем саму игру так и не нашли. Она была перепакована в экзешник в 40 мегабайт, распаковывалась на ходу. Жаль что там полностью перебросили систему.

Потом поставили кучу защиты. Ну, естественно, она и стала моим тренажером.

У Антона не было слов в ответ на услышанное. Оказывается, что его многолетнее обучение, потом стажировка во многих IT-отделах — это все можно было заменить двухнедельным сидением за изучением вирусов...

– Да ты не парься! Я ведь только в хаках спец. До сих пор не могу запомнить необходимые макросы и формулы в Excel...

Они посмеялись вместе. Обстановка между ними разрядилась и стала более дружелюбной.

Перекусив на славу, они принялись обсуждать работу, все нюансы, возникшие при штудировании информации, связанной с делом.

– Так вот, я проверил несколько социальных сетей, там все пусто, – начал рассказывать Паша. – Однако нашлась кое-какая странность.

Он глотнул чая и, не дожидаясь, пока собеседник спросит, что же за странность он заметил, продолжил:

– На сервере нет никакой информации. То есть он удалял страницу не обычным методом, а полностью подчистил за собой все логи, всю внесенную при регистрации информацию.

– То есть здесь у нас ничего нет? – спросил Антон.

– Вот как раз не совсем, – самодовольно заметил Паша. – Во-первых, ты сам знаешь, что бывают такие случаи, когда регистрируешься на каком-нибудь «Я тебя вижу», а потом забудешь, из-за долгого непосещения.

Они вместе поржали над самой неудачной сетью в Рунете, которая мало того, что была самой невостребованной из-за неудобного дизайна и малого количества возможностей, которые были слизаны с конкурентов, так еще и ее взламывали разве только что не школьники начальных классов.

– А, во-вторых, ты может не в курсе, но создатель одной из сетей — мой спонсор в производстве чипов для приставок.

Антон хотел было раскрыть рот от удивления, но совла-

дал с собой. Он никак не ожидал, что этот очкарик окажется изготовителем тех самых чипов, которые заставляют рвать волосы на голове и не только лучших специалистов Японии. Укол зависти заставил Антона сидеть ровно и спокойно.

– Так что же ты нашел, не томи?

– В принципе, ничего особенного. Я нашел две страницы-призрака в непопулярных сетях, а также, с помощью друга-спонсора, поднял регистрационную форму Максима. Но, тот, видимо, и до смерти родителей был подкован в навыках незаметности в сети. Но в старых формах было упоминание об одном видео, которое Максим со своим другом, который скрывается за ником «alegro3398», – легкий смешок. – Ты наверняка видел его, про вред курения во время рыбалки.

Антон тоже не смог сдержать улыбки. Конечно он знал это видео. Его посмотрело больше миллиона человек за все время его пребывания на Youtube, причем выложено оно было в первые годы существования известного сервиса. Короткий юмористический клип, снятый на неплохую, но все-таки дешевую любительскую камеру, повествующий о нескольких ситуациях на рыбалке, когда не стоит курить. На ум сразу приходил кульминационный эпизод, в котором чихающий медведь подходит сзади к горе-рыбакам.

– Да видел. Забавно, только сейчас вспомнил, как выглядит Максим. На фотках в деле он совсем другой.

– Так вот, этим «alegro» оказался никто иной, как его одноклассник Александр Горошевич, с которым они учились

с пятого по девятый классы. Но, к сожалению, на этом зацепка кончается, потому что тот уехал в Харьков два года назад, да так и живет там по сей день.

Они помолчали. Паша допивал свой чай, у Антона уже давно остыл кофе, к которому он почти не притронулся, от чего тот стал похож на черную лужу со странной пленкой, бывшей когда-то сливками.

– Нет– А у тебя что?

Почему-то Антону показалось, что коллега издевается над ним, хотя в его голосе не звучало ехидства. Еще бы, рассказывает о своих подвигах чуть ли не с героическим подтекстом, после чего спрашивает, что же люди делают кроме него. Но это все осталось за кулисами мыслей Антона. Он никогда не отличался открытостью.

– Не так много. Я проверял кодировки, с помощью которых шифровался видеопоток. Обнаружить удалось, что скорее всего, тот использует дубликатор адресов, или, но это уже на грани фантастики, он сидит в сети через независимый канал, без провайдера.

Паша хмыкнул. Он знал тысячи способов обмануть защиту, затеряться в интернете, вести себя незаметно, или, наоборот, устроить настоящий фейерверк ошибок и вирусных атак, но так же он знал, что самой главной проблемой хакеров было то, что интернет всегда кто-то «раздает». И эту «давалку» невозможно обойти, если только ты не хочешь засветиться перед общественностью, как еще один провай-

дер, зарегистрировав себя через ИП. Он знал несколько команд хакеров, которые создали свою организацию по выдаче интернета, но, при этом, не озаботились прикрытием тылов и соответствующие структуры быстро до них добрались. Кому-то повезло меньше и они сели в тюрьму, кому-то больше, и этим ребятам из техники дозволен только пыльный «геймбой» и невыезд из страны.

– Да уж... – только и сумел выговорить Паша, выбравшись из своих мыслей. – Судя по всему, наш объект не владеет собственной организацией, иначе его давно бы выследили. Остается только два варианта — искать его по алгоритму дублирования, или же искать его, как работника службы интернет-связи. Но, даже если бы он вклинился в чью-то линию, все равно нужен дубликатор.

И в этот момент раздался писк, который был похож на те, что издают микрофоны во время гаражных рок-концертов, если их поднести очень близко к оборудованию.

Антон поморщился, изобразив лицо человека, которому пришлось съесть пару лимонов. Паша тоже слегка искажил физиономию, но больше в сторону улыбки. Он достал из кармана сотовый — звук сразу же стал громче. Нажав на кнопку «Тихо» он повернул экран к собеседнику – «Владик Валерьевич». И, оказывается, уже было почти восемь утра, то есть они просидели в кафе четыре часа.

– Начальство, – сказал Паша и снял трубку.

То, что раздалось из не такого уж громкого динамика

услышали все присутствующие. Ну, так показалось Антону, который слышал голос шефа настолько громко, будто сам звонил ему.

Лицо Павла сразу же потеряло всю веселость, заставив и Антона посерьезнеть. Видимо, кроме мата начальник использовал и важную информацию.

Уже бежим, мы здесь рядом, – сказал Паша, и, ничего не говоря, поднялся из-за стола, жестом показывая Антону сделать то же.

– Быстрее уже, мать... – раздалось из телефона перед тем, как Паша нажал на сброс.

У подъезда, в котором проживали Демины, происходило что-то ужасное. Стояли фургоны с логотипами, в которых угадывались эмблемы телевизионных каналов.

– Ой нехорошо, – пробубнил Паша и, стараясь не привлекать внимания, просочился сквозь толпу.

Провода поднимались до самого третьего этажа, Паше это напомнило последнюю «Матрицу», где слепой уже Нео путешествует в городе машин. Поднявшись на третий этаж, они увидели, что дверь заперта, и перед ней столпилось несколько человек с телевидения. Забавным казалось то, что ни Паша, ни Антон никого не узнавали.

– Откройте, вы не можете скрывать правду от людей! – кричал самый настойчивый человек.

Паша ухмыльнулся. Ему всегда казалось, что такие дурацкие фразы — это прерогатива фильмов, но, то ли этот репор-

тер страдал излишним драматизмом в крови, то ли фильмы давно уже перешли в нашу жизнь вместе со своим словарем, оставив на обочине ничего не подозревающего Павла.

Из-за двери раздавался могучий командный голос Владислава:

– Когда нужно будет, тогда и расскажем все. У меня расследование и, между прочим, здесь живут люди, которые не хотят ни о чем распространяться. Так что не вмешивайтесь в частную жизнь, если не хотите последствий.

– Да уж, ну и досталось ему, даже не матерится – вполголоса сказал Антон. – Набери его, я свой телефон там оставил.

Паша набрал шэффа и, подождав несколько гудков, начал подниматься вверх.

Дверь отворилась, и вышел сам Владислав. Хоть он и был уже не так молод, но недостатком физической подготовки он точно не страдал. Заслонив собою дверь, он жестом, означавшим как «идите быстрее», так и «ну я вам устрою», отправил своих работяг в квартиру.

Напиравшие репортеры, коих было всего двое, больше походили на гиен передо львом, в своих тщетных попытках пробраться внутрь.

Благополучно закрыв дверь, Владислав Валерьевич несколько раз вздохнул, чтобы немного успокоиться и отвел парней в комнату с компьютерами.

– Какого хрена! Где вы шатались?! – сразу же начал он.

– Вообще-то мы ужинали,.. или завтракали, смотря как

посмотреть... – ответил Антон.

– Ужинали, значит, они... – Владислав ходил по комнате, пытаясь успокоиться.

– Что случилось-то? – встрял Паша.

Начальник еще походил немного и сел на диван. Видимо, окончательно обнаружив свою точку спокойствия, он произнес:

– Утечка. Скорее всего, от вашего Максима.

– Он не наш... – начал было Паша, но Антон толкнул его локтем.

– Включайте компьютеры, сейчас сами увидите. – С этими словами он вышел на кухню и начал греметь чайниками.

Хозяева квартиры либо спали, излишне переутомившись как морально, так и физически, либо что-то тихо обсуждали в своей комнате, но оттуда не было слышно ни звука.

Максим Картанов выложил видео, в котором признался, что дело о похищении месячной давности — его рук дело, так же он отправил ссылку на видео на несколько новостных сайтов и, будто этого было недостаточно, также разослал его по нескольким телеканалам.

«Так вот, поскольку теперь стало немного яснее, кто за всем этим стоит, я хотел бы предложить нашим товарищам из телевизора неплохую „жареную“ информацию. Мне нужен всего лишь прямой эфир продолжительностью не больше пятнадцати минут, после чего я сдамся. Люди, имеющие к этому непосредственное отношение, могут пи-

сать мне на этот адрес (адрес электронной почты высветился на экране).»

– Как думаешь, что он имел в виду, когда говорил про людей, имеющих непосредственное отношение, – спросил Паша у Антона, не отрываясь от экрана. – Думаешь, нам тоже стоит что-то написать?

– Нет, – ответил Владислав, входя в комнату. – Скорее всего это было обращено к телевизионщикам. У них рейтинги зашкалят, если он даст добро на трансляцию только одному каналу.

– Что же нам тогда делать? Похоже, что Максим начал наступление, но нам даже противопоставить нечего, – довольно театрально выразился Антон.

– Подожди, я думаю... – сказал Владислав.

Они все молчали. Паша в наушниках изучал видео, воспроизводя секунду за секундой, пытаясь уловить какие-нибудь важные элементы окружения или неожиданные фразообороты. Антон взламывал защиту почтового ящика, указанного в конце обращения. Владислав ковырялся в телефоне, выискивая кого-нибудь, с кем можно связаться в такой ситуации. В этот момент работа казалась приостановленной.

– Слушайте меня, – сказал Владислав Валерьевич. – Я попробую связаться с руководством одного телеканала, у меня есть связи. Необходимо любой ценой сделать так, чтобы трансляция шла именно по нему. Вы же пока попробуйте состряпать письмо, которое обеспечит нам эту гарантию.

– Есть! – вскрикнул Паша. – Нашел!

Все придвинулись к его монитору.

– Смотрите сюда, – сказал он указывая в самый угол изображения.

Там, отретушированный какой-то неизвестной Антону программой, был снимок экрана из видео-обращения преступника. В углу едва виднелся некий белый предмет.

– И что же это? – спросил шэф.

– Это... – Антон прищурился, будто пытался придать снимку резкости. – Это USB-модем.

– Именно, – торжествуя сказал Паша. – А это значит, что он использует сотовую сеть для связи с интернетом.

– Что это нам дает? – нетерпеливо спросил Владислав.

– Ну... Мы можем отследить, каким оператором он пользуется для выхода в сеть. Узнав это можно попробовать выследить местоположение, – ответил Антон.

– Но это будет непросто, – перебил Паша. – Видите это?

Он указал на коробку, в которую был вставлен модем.

– Скорее всего, самописное устройство. И я не знаю, что оно делает, ни разу не сталкивался с подобным.

– Работайте.

Трансляция прямого эфира была одобрена и назначена на следующий день. Более того, Владиславу, с последующей передачей в руки его спецов, была предоставлена копия письма, в котором Максим договаривается с руководством канала.

Весь день Паша с Антоном работали не покладая рук, пытаясь обнаружить преступника, но ничего важного, кроме названия сотового оператора, услугами которого пользовался Максим, найти не удалось. Но они не бросали поисков, прервавшись только ближе к ночи, чтобы пойти домой, переодеться и выспаться. Приближался важный день.

– Ну что у нас? – спросил Владислав.

– Пока все то же. Я уже чуть ли не каждый номер с дозволения оператора проверяю. Ничего нового. Все интернет-соединения его сети чисты, – ответил Паша.

– Хорошо, продолжай. Трансляция через час. Что у тебя, Антон?

– Тоже пока ничего. Видео было все так же выложено из одного из интернет-кафе. Более того, на канале пользователя появилось еще одно, на котором этот Максим лыбится в камеру, секунд пять идет.

– И что же это может означать? – удивленно спросил Владислав.

– Судя по отчетам, оно появилось через полчаса после появления видео-обращения к телевизионщикам. Но появилось из компьютерного клуба, который находится в минимум в часе пути от предыдущего. Он просто прется над нами. – Последняя фраза прозвучала на повышенных тонах. У всех сдавали нервы.

– Да, не забывайте так же, что во все зарегистрированные заведения, где посетителям предоставляют доступ в сеть

со своих машин, были предупреждены о появлении преступника. Но звонков не поступало, – напомнил Паша.

Трансляция была назначена в вечерние новости по городу. Предположительное число зрителей достигало пары десятков тысяч, но аналитик сказал, что после появления видео-обращения в сети, многие люди отписывались, что обязательно будут следить за новостями. Число подписчиков стремительно возрастало.

А время таяло с оглушительной скоростью.

– Итак, мы представляем вам, уважаемые телезрители, эксклюзивную информацию. Максим Картанов, сын погибших журналистов Александры Картановой и Глеба Картанова, не раз сотрудничавших с нашим каналом. Что же заставило его встать на путь преступника? – раздавалось из динамиков телевизора.

Прямой эфир должен был транслировать видео из Скайпа без задержек, в противном случае, если бы Максим не увидел себя в телевизоре, то трансляция прерывалась и судьба девушки оставалась совсем плачевной. Пять минут до старта.

– Так, будьте все время начеку. Раз он решил сдать себя после эфира, значит это неспроста. Видимо, ему есть, что сказать или показать. Лишь бы девочке не навредил, урод, – сказал Владислав, сделав звук в телевизоре потише, на время разговоров о предстоящем эфире.

На экране безмолвно шевелили губами лучшие психоло-

ги и деятели искусства, пытаясь понять, что заставило молодого человека из легендарной семьи встать на «кривую дорожку разбоя». Владислав поморщился. Он никогда не любил подобные разглагольствования о психологии преступника, о моральной стороне и о том, что не каждый преступник с точки зрения масс, является таковым в вопросах приличия. Для него преступник — он и есть преступник. Мразь и тварь, которой самое место в тюрьме, куда бы он с радостью посадил того, кто обсуждал возможные побуждения, заставившие молодого парня похитить девочку.

— Здравствуйте, меня зовут Максим, хотя меня уже должны были представить, а еще и, скорее всего, обсудить несколькими минутами ранее. Я еще раз хотел извиниться, на этот раз прилюдно, перед семьей Деминых. Вряд ли вы поймете меня и точно не простите, но речь не о вас. Она даже не обо мне и не о вашей дочери. Речь пойдет о моих родителях.

Он сидел в комнате с белыми стенами, в которых любой строитель угадал бы только что заштукатуренные, словно подготовленные к ремонту. Но качество видео оставляло желать лучшего, поэтому происходящее на экране походило на интервью из будущего.

«Когда умирали мои родители, я сидел дома, за компьютером, сидел в интернете. И я плакал. Потому что видел все, что с ними происходило. Все благодаря этому (он показал пальцем на некую конструкцию, едва попадавшую в кадр,

и придвинул ее к экрану)».

– Видел? – крикнул Паша, сразу начав набирать что-то на клавиатуре. – Эта коробочка — роутер. И обычный USB-модем. Твою мать, скорее всего он использует обычную линию, но через модем дублирует ее и отправляет в виде сотовой связи! Он работает в собственной сотовой сети!

– Черт, – вторил ему Антон. – Надо искать не интернет-соединение, а обычный разговор.

«Не конкретно этот модем, но такой же фирмы и модели, мой отец пересобрал в мощный передатчик видео с камеры, которую он брал с собой на репортажи. И всегда видео передавалось на его личный сервер, откуда любой человек, знавший пароль, мог посмотреть прямой эфир. Сейчас я бы хотел предоставить вам видео их последнего эфира. Это касается каждого из нас».

Изображение сместилось. На переднем плане появилось очень качественное видео с профессиональной камеры, а в верхнем правом углу появилась миниатюрная копия белой копии с Максимом посередине.

– Итак, сейчас мы находимся на станции «Горьковская», которая готовится к отправке на кап. ремонт, – сказала женщина, в которой все узнали Александру Картанову, или, как ее называли фанаты и поклонники «Говорливая Саша». Она стояла в центре кадра с микрофоном в руке.

– Ну вот, опять ты про ремонт, – послышался голос из-за кадра. Баритон принадлежал оператору — Глебу Картанову.

– И какие у тебя предложения? Давай я буду говорить про веяние времени, над которым ничто не властно. И вот это время уже коробит нашу бе-бе-бе... – она кривила губами, явно недовольная тем, как муж критикует ее слова.

– Хорошо-хорошо, все-таки твой репортаж. Хотя я не понимаю, почему мы не поехали в Нижний на ярмарку.

– В другой раз поедем в Нижний. Ты же согласился запечатлеть нашу любимую станцию перед тем, как ее превратят неизвестно во что.

– Так, я не буду больше ссориться по пустякам, иди сюда.

Александра подошла, оказавшись ниже центра объектива она слегка нырнула под камеру и раздался звонкий «чмок» прямо рядом со встроенным микрофоном.

– Глеб, смотри! – в ее голосе был неподдельный страх и удивление, так неожиданно вплетенные в равномерное происходящее.

Камера развернулась на сто восемьдесят градусов.

– Что такое, где? – суетливо спрашивал Глеб, аккуратно вода камерой из стороны в сторону.

– Смотри, у тоннеля!

Прямо возле выхода из тоннеля от Петроградской происходило странное движение, похожее на драку. Людей было немного, что было весьма странно для послеобеденного времени, если, конечно часы на видеопотоке были правильно выставлены.

Изображение тряслось и моргало, пока Картановы бежали

к тоннелю.

Было похоже, что какой-то человек терпел побои от тогда еще милиционеров. Камера начала опускаться ниже и, на расстоянии около десяти метров, она полностью легла на каменный пол и в кадре появился Глеб.

Он пытался мирно урегулировать вопрос, но то-ли из-за сбоев с микрофоном, то-ли репортеры выключили их умышленно, ничего не было слышно. Но зато стало понятно, что двое милиционеров избивали другого, своего коллегу, по видимому.

И как только Глеб сказал пару слов, то эти двое сразу же набросились на него. У них не было ни дубинок, ни других вспомогательных средств, но они довольно ловко попытались скрутить Глеба. В тот момент, когда руки одного из милиционеров оказались в замке на шее репортера, тот, кого избивали, преодолевая боль, что без труда читалось на его лице, поднялся и что есть силы ударил готовящего удар мужчину в район позвоночника. И хоть это не возымело ожидаемого результата, он смог отвлечь противников от спасителя, за что тут же поплатился ударом коленом в челюсть.

Александра, в это время, подбежала к камере, в ее глазах читался страх, но она старалась не терять концентрации, хотя и плакала практически навзрыд. Наклонившись к устройству, стали видны только ее руки, шарившие в районе объектива. На секунду в кадр попал черный металлический предмет, похожий на пистолет и камера погасла.

– Твою мать! – воскликнул Владислав, не обращая внимание на то, что поддерживает открытый рот чуть ли не обеими руками.

Все присутствующие в комнате обомлели от изумления. Вся работа была брошена, чувства смешались, оставив лишь удивление и замороженность происходящим в телевизоре.

– Это же день теракта, если верить камере, – воскликнул Паша, но никто не обратил внимания.

Люди, смотрящие телевизор, переключившие на этот канал, и не подозревали, что станут свидетелями трагедии, которая приключилась не только в семье Картанова Максима, но и в десятках других семей, чьи родственники погибли в тот ужасный день.

Камера включилась через несколько мгновений, которые заполняли кадр знакомым «профилактическим» шумом. В объективе на мгновение появился сотовый Глеба, он набирал чей-то номер.

– Алло, Максимка! Да, это папа. Слушай, Максим, срочно проверь мой сервер. Это очень серьезно, не ври, что не знаешь пароль. Кое-кто взламывал его трижды на прошлой неделе. Давай-давай, – голос из-за камеры был запыхавшимся, судя по всему, говорившему сбило дыхание и было трудно дышать.

– Глеб, не надо сына втягивать! – воскликнула Александра.

Они стояли посреди развилки в тоннеле метро. Освеще-

ние было тусклым, Глеб сэкономил заряд батареи в камере, поэтому светили лишь малочисленные габаритные огни на стенах и фонарик того мужчины в форме, которого они вытащили из драки. Его лицо было похоже на окровавленную маску из плотной резины — так сильно оно опухло от града ударов, но он еще держался на ногах.

– Давайте быстрее, можем не успеть, – голос неожиданно спутника был приглушен, у него очень сильно болело горло и все лицо тянуло болью.

– Включил? Отлично. Камера пишет? Все. Давай, сын, пока. Папа на работе. Нет, не знаю когда приду. Мы тебя с мамой очень любим.

И он бросил трубку, даже не предупредив сына, что с ним может что-то случиться.

– И все? Ты даже не сказал ему ничего? – закричала жена.

– А что мне стоило ему сказать? Что если мы не вернемся, он знает, что делать? Саша, мы столько раз чуть не погибли, он уже взрослый и знает, что делать. Но мы выберемся, ему не о чем волноваться! – голос Глеба тоже срывался на крик, но он все еще сдерживался.

– Максимка, что бы ни случилось... – Александра смотрела прямо в камеру и практически не моргала, – знай, что я не стреляла, хотя стоило бы... Мы их просто отпус...

– Где вы там? Мне нужна помощь! – кричал милиционер, темный силуэт с фонарем в руках, стоявший с края тоннеля. Камера снова зашевелилась по направлению к свету.

– Здесь не ходят поезда, этот тоннель закрыт, – на ходу объяснял проводник.

Они продвигались глубже, но камера однажды обернулась и стало понятно, что они ушли не больше, чем на семьдесят метров от входа. Позади ярко саднили люстры станции.

– Смотрите.

На стенах была закреплена взрывчатка. Но не строительная, в чем любой человек, интересующийся современным вооружением, смог бы быть уверенным на все сто. Да и Глеб выругался достаточно громко, что стало понятно — его многолетний опыт вылазок как на стройки, так и на войну, сработал как надо, дав понять присутствующим, что положение серьезное.

У Владислава зазвонил мобильник. Он посмотрел на экран и обомлел. Звонил начальник всего отделения по его району. Что за? Может номером ошиблись?

– Да, Петр Семенович? Что? Как отрубать? – он был не на шутку взволнован, но следующий вопрос, видимо был куда серьезней, потому что он вышел из комнаты и продолжил совсем тихо. – А как же девочка? Но ведь... Понял...

Он прислонился к стене, обдумывая услышанное. «Плевать на девчонку, пусть твои парни отрубят сигнал! Как угодно, это не имеет значения».

– Так, ребята! Поступила новая информация, пока я не могу вам ее сообщить. Но вы должны отрубить сигнал, найти способ сделать это. Работайте, и без вопросов.

Антон и Паша переглянулись, но молча сели за свои агрегаты в соседней комнате, краем глаза поглядывая в телевизор. Никто из присутствующих не знал, что Паша нашел способ отключить сигнал уже через минуту после приказа. Но видео продолжалось.

Кадр уже несколько раз описал круг, чтобы показать то количество взрывчатки, которое было закреплено по стенам тоннеля. Рвануть должно было сильно, возможно даже аукнувшись трещинами на асфальте наверху, как, собственно, и получилось.

– Я же говорю вам, что эти двое проверяли всю конструкцию, – сказал милиционер, обводя правой рукой вокруг, тем временем левой придерживая ребро.

Вдруг изображение исчезло. Экраны тысяч телевизоров покрылись черно-белой рябью.

Паша вздрогнул. Странно, казалось, он так и не нажал на кнопку, но хотел это сделать.

– Что случилось? – спросил Антон, проверяя какие-то данные в ноутбуке. Судя по графикам – он просматривал сигнал приема вещания, потому что сейчас на экране пульс замер, превратившись в тонкую красную линию, которой не хватало только отвратительного пищания.

– Они отрубили сигнал, идущий от самой башни, – сказал Владислав, нервно сжимая в руке мобильник.

– Но что же будет с...

Договорить Паша не успел, изображение на экране ста-

билизировалось, заменив «белый шум» знакомой картинкой Питерского метро с маленькой сноской с лицом Максима в углу.

– Звони операм, кажется я знаю где он, – прошептал Антон, обращаясь в большей степени к начальнику.

Паша склонился над клавиатурой, что-то оживленно набирая.

– ...говорю вам, что нам не отключить эту систему, – сразу же с полуслова начал раненый служитель порядка.

– Что ты предлагаешь? Сейчас на станции самое оживленное время, и людей там сейчас не мало, – Саша кричала, но ее голос не срывался в истерику.

– Нам надо уходить, – закричал Глеб из-за кадра. – Живо! Может успеем предупредить служащих станции, пусть уведут людей!

Изображение в кадре неровно повернулось и показало огни станции. В таком ракурсе это смотрелось даже немного романтично – свет в конце тоннеля.

– Глеб... – раздался голос Александры Картановой из-за кадра. Голос был тихим и дрожащим.

Объектив быстро развернулся, но даже скорости этого движения хватило лишь для того, чтобы зритель успел заметить зеленый огонек в темноте круглых сводов.

Раздался оглушительный взрыв, приумноженный эхом пещеры и не самым лучшим качеством записывающего устройства. Даже если там и были крики, то их просто погло-

тил треск и грохот, продолжавший греметь даже через пару секунд после того, как изображение свернулось в комок ничего не значащих картинок, где не угадывались ни лица, ни цвета...

В какой-то момент, столь незаметный на фоне происшедшего, изображение Максима пропало, и сейчас на экране бушевала мерцающая пустота, то черная, то серая, словно ничто примеряло на себя разные оттенки. Но вдруг изображение сменилось до боли знакомым Марии и Дмитрию интерьером – комната, в которой Максим, когда-то их знакомый и, возможно, даже друг, держал их доченьку. Но сейчас он был там один.

– Это сообщение касается только тех, кто понимает, о чем речь.

Его лицо было серьезно, все-таки он обращался к многотысячной аудитории, похоже, что он не забывал об этом ни на секунду.

– Видимо, вы все-таки нашли мой передатчик на телевизионной башне, смею вас поздравить. Но, к сожалению, он передавал лишь мое изображение. Я взял на себя смелость обмануть руководство телекомпании, чтобы не портить зрелище для обывателя. А теперь о главном.

Он поерзал на стуле, будто подыскивая положение получше, после чего снова выправил спину и, практически не моргая, и глядя только в объектив, сказал:

– Завтра я буду в Екатерининском саду в 16—00. Не опаз-

дывайте, – он уже потянулся к камере, чтобы заслонить ее или выключить вовсе, но отдернул руку. – За безопасность девочки можете не волноваться.

И изображение исчезло.

3. Стокгольмский синдром

Максим Картанов проснулся рано. Открыв глаза, он увидел лишь белый потолок и улыбнулся. В квартире своего друга он жил уже больше месяца и маялся от безделья. Интернет был подключен через тучу устройств, которые они соорудили вместе, чтобы быть немного более незаметными для окружающих. И, несмотря на некоторую завесу невозможности, стать призраком во всемирной сети оказалось вполне реально, хоть и приходилось проводить множество различных манипуляций с трафиком и маршрутизированием перед каждым посещением необходимых аккаунтов.

Максим налил себе холодного чая из старого заварника и прошелся по пустым комнатам. Больше всего ему, естественно, нравилась «белая» комната, ведь это была его идея – выкрасить стены и записать обращение именно в таком виде. Выглядело немного глупо, но все-таки не так плохо, как первые обращения к родителям Юли, когда на заднем плане можно было отчетливо различить предметы интерьера вплоть до дурацких обоев чуть ли не десятилетней давности.

Максим сел на пол и медленными глотками цедил горький, слишком сильно заваренный чай, обжигавший рот не температурой, а противным вкусом. Именно такой чай он и любил – темный, с белесой пленкой на холодной жидкости, настолько сильно заваренный, аж до густоты, что мог-

ло стошнить – Максим не знал почему, но этот вкус был приятен ему, как коньяк, который он пил единственный раз в жизни, ставший последним.

Когда кружка опустела, он выглянул в окно.

Толпа уже разворачивалась у входа в Екатерининский сад – нужно было уже собираться с последними мыслями и выходить.

Максим видел происходившее почти с высоты птичьего полета, но изнутри картина представляла совсем другой. Десятки, может даже сотни людей, пришли в этот солнечный, без единого облака на небе, день, чтобы увидеть нечто неожиданное, столь непривычное и выдающееся из их жизни. Ведь для них Максим был всего лишь еще одним «лицом из телевизора» – личность без души, отдавшийся за пиар и пустившийся во все тяжкие, что и привело к плачевному результату преступника. Другие приготовили плакаты с изложением своих требований к правительству, будто это имело какое-то отношение к акции Максима Картанова, но тут уж ничего не поделать – любая активистская деятельность нашла себе лаз в сегодняшний день.

Максим не зря фильтровал и вносил необходимую редактуру в свое видео-обращение, зря волновались спецслужбы, пытаясь отключить трансляцию – все, что могло иметь какое-то отношение к истинным целям взрыва, было тщательно удалено и подчищено. Вместо политической деятельности перед зрителями предстал, как это не прискорбно бы-

ло признавать, не более чем очередной остросюжетный «видос», один из сотен других, отуплявших население одаренных интернетом граждан.

В толпе можно было заметить самую разношерстную публику – как молодежь, в основном группами по десять-пятнадцать человек, так и одиноких «знаменосцев» – держатели плакатов и транспарантов, представители самых разных возрастов.

И вот среди всего этого столпотворения, среди молодежных группировок, представители которых решили, что участие в подобных акция очень модно и куда интереснее обычного шопинга, среди людей постарше, многие из которых, несомненно являлись представителями неких политических и псевдополитических организаций, среди обычных зевак, как безработных, не знающих чем заняться в столь безоблачный день, так и обычных прохожих, которые не смотрят телевизор и не посещают многочисленные блоги и image-борды, среди всего населения парка на сегодня, выделялась пара молодых людей, державшихся немного поодаль, в широкой тени молодых деревьев.

Девушка и парень, непримечательные внешностью и без пристрастия к происходившему, они стояли и разговаривали, и, казалось, что они ждут чего-то, оглядываясь по сторонам.

– Как ты думаешь, он придет? – спросила девушка. Она выглядела гораздо старше своего возраста, в глазах наблю-

далась некоторая жесткость не присущая женщинам такого типа.

– Надеюсь, что это шутка... – пробормотал ее собеседник себе под нос, озираясь по сторонам и надвигая кепку на глаза, боясь лишнего внимания. – Он сам устроил этот цирк, а теперь пусть только попробует не прийти.

– А ты охотно помог ему, Павел, – строго заметила собеседница. – Можешь не обращать внимания на некоторые мои реплики, это просто мысли вслух. Я уже вся перенервничала.

Паша мягко положил ладони девушке на плечи и почувствовал, как ее дрожь передается ему легкими толчками. Ее практически колотило от озноба.

– Все будет хорошо. Он знает на что идет. Ты что забыла, мы же все обдумали и обговорили, тебе ничто не грозит.

– Да помню я, помню... – Она снова посмотрела в сторону входа, на небольшое кольцо оцепления, к которому должен был подойти Максим. – Я так за него волнуюсь.

Она еле сдерживала слезы, хотя посторонний наблюдатель вряд ли смог бы обратить на это внимание. Но девичий организм – это не огромная плотина, способная сдержать натиск чувств, бьющихся с огромной силой, и поэтому ее глаза уже давно покраснели от соленой влаги, проступавшей на веках.

– Давай-давай, не раскисай, Юлька. Ты совсем уже плохо держишься, на тебя это не похоже.

Юлии Деминой хотелось обнять его и разрыдаться прямо на плече. Уже месяц ей не давало покоя чувство вины за то,

что она так бросила родителей, забрав все лучшее, что они берегли, забрав их нервы и сон, оставив лишь кучу проблем. Но она знала, что не может бросить любимого в его стремлении к цели, достижение которой порой было ей непонятно и даже безумно. Но вместо слез и жалости к себе она выбрала любовь, пусть и неправильную, запретную, ну и что – все так делают, а чем она хуже, тем более, что она находила в себе разум не уподобляться этому быдлу, в которое превращалось большинство ее сверстников. Она отвернулась.

Но именно в этот момент толпа у входа оживилась.

– Юля, тебе пора. Кажется, я его вижу, – сказал Паша и, оставив девушку одну, прошел чуть дальше от входа, к одинокой скамейке у памятника Екатерине.

Юля протерла глаза салфеткой, которую выудила из кармана своих джинсовых шорт до колен, и, сделав вдох-выдох несколько раз, чтобы голос не дрожал, пошла вперед. Пути назад уже не было.

Владислав Валерьевич стоял в центре оцепления и не находил себе места. Он всю ночь не мог уснуть, все время размышляя о происходящем. Ведь не может преступник просто так взять и сдать властям, даже несмотря на выполненные требования. Да и требования-то были бредовыми, если взглянуть на них со стороны его длительного опыта. Теперь это все больше и больше походило на подставу, но он просто не мог не довести дело до конца.

Похоже, что этот Картанов просто договорился с девчон-

кой и разыграл своеобразный спектакль, чтобы добиться... чего? Внимания масс-медиа? Популярности? Нет, вряд ли молодой, умный парень стал бы ставить на кон свое будущее ради «такой» популярности...

– Владислав! Он идет, – сказал один из оперативников из оцепления.

Владислав отвлекся от своих мыслей и взглянул туда, куда был направлен взгляд оперативника.

Максим Картанов направлялся вовсе не со стороны Невского проспекта, вопреки ожиданиям многих, он шел из парка на выход. Особо не таясь, с поднятой головой он шествовал уверенно и свободно, будто не собирался сдаваться полиции, а просто вышел на прогулку. Станным было то, что многие не обращали на него внимания, будто вовсе не знали, кто он такой. Формально, конечно, именно так все и было, но именно поступок этого человека собрал сегодня здесь такую толпу.

Лишь когда шепот начал перерастать в откровенный гул, срывающийся в крик, как на птичьем базаре, люди осторожно, боясь поступков этого человека, начали обступать его со всех сторон. Это выглядело, по меньшей мере, смешно – овцы собрались вокруг нового человека, готовые внимать его словам, пока пастух не разгонит это безобразие.

Максим прошел до оцепления без проблем, не обращая внимания на людей вокруг, даже не смотря на них. В его глазах цвела уверенность в собственных силах – определенно,

стоило ожидать от него неожиданностей, будто он уже погрузил ладонь в рукав в поисках последнего козыря.

Хотя рукавов у него не было. Он вышел на встречу, одевшись в соответствии с погодой – в джинсовых шортах чуть ниже колен и в желтой футболке со всем известным принтом на груди – круглой, улыбающейся рожицей.

– Здравствуйте, Владислав, – сказал Максим, пройдя вперед, через расступившееся оцепление.

Владислав защелкнул наручники на протянутых ладонях Максима и посмотрел ему в лицо.

– Где девочка? – только и спросил он у преступника.

– А вы еще не догадались? Думал, что когда увидите меня, то вопросов больше не останется.

– Можешь не сомневаться в моих умственных способностях, скорее мне стоит сомневаться в твоих. Но все же – где девочка? Мне плевать, если это какие-то игры тупоголовой шпаны или же ты настоящий отморозок, моя цель – вернуть ребенка родителям.

Максим улыбнулся и тихо, чтобы в шуме какофонии криков только Владислав услышал его слова, сказал:

– Посмотрите мне за спину. Да повнимательнее.

Среди буйствующей, выкрикивающей разные сорта бреда, массы народа, Владислав увидел Юлю без особого внимания. Ее неподвижность резко контрастировала с девятым валом вокруг. Еще чуть-чуть, и она погрузится в волны беспорядков, происходящих рядом. Она увидела Владислава и пома-

хала ему рукой.

– Где моя девочка?! Где она?! – кричала мать Деминой, прорываясь к Максиму.

Когда ее пропустили, Мария вцепилась в его плечи так сильно, что двое крупных мужчин еле оттащили ее в сторону. Юля видела все это со стороны, но не решалась пока подойти, а Владислав почему-то не спешил с ее разоблачением. Возможно, что, несмотря на его возраст и опыт, ему было слишком неловко вот так представлять матери дочь, как человека, который обрек ее на страдания, граничащие с безумием. Но именно дочь в глазах следователя была сейчас главным преступником, потому что даже несмотря на любовь к этому человеку в наручниках (а их отношения становились ясны, стоило только посмотреть на обоих внимательно), она не имела никаких прав поступать так с человеком, который произвел тебя на свет и растил, кормил и воспитывал, как огромную часть самого себя.

Владислав думал, что даже плохое воспитание не должно наказываться столь радикальным способом.

– Мария, успокойтесь! – громко и уверенно, сказал Владислав, сдерживая гнев матери.

– Где она?! Отведите меня к дочери! Что он сделал с ней! – она все кричала и кричала, не в силах остановить истерику.

– Посмотри на нее! Видишь, что ты сделал с ней?! – крикнул Владислав на Максима, с силой сжав его лицо и направ-

вив его в сторону Марии. – Ну что, стоят ваши игры такого? А? Стоят?

Максим ничего не ответил. Его улыбка давно уже была стерта с лица. На Владислава исподлобья смотрел человек, достаточно взрослый, чтобы осознавать свои поступки.

– Вы ничего не знаете... – начал Максим, но Владислав не сдержался и ударил его ребром ладони в ухо.

– Да мне насрать, понял. Ты сядешь. Не знаю, на что ты рассчитываешь, но ты сядешь, я приложу к этому все усилия.

– Стойте!

Юля расталкивала людей вокруг себя, они опешили от такого отчетливого выкрика и расступались, оглядываясь на нее. В ее глазах стояли слезы, которые она тщательно пыталась удержать в себе.

– Стойте, не трогайте его! Я цела, меня никто не похищал...

– Юля, не надо... – сказал Максим.

–...это все моя идея, поэтому если нужно – надевайте наручники и на меня.

– Юленька... – ее мать подошла к ней, протягивая руки к ее лицу, не веря тому, что ее дочка цела, словно не обращая внимания на ее слова.

– Мама, прости меня. Но я должна была. Я люблю Максима, – сказала Юлия Демина и, приобняв мать, тут же отстранилась и подошла к Владиславу. – Ну что? Забирайте и меня с ним.

– Но не в наручниках. Ты поедешь с нами, а там видно будет.

Максима вели к выходу из парка. Круг оцепления превратился в колонну и направился к служебным автомобилям, нарушаясь лишь в моменты, когда особо ретивые скандалисты и репортеры пытались пробиться к арестанту.

– Максим, что заставило вас так поступить?! Скажите, это правда, что вы действовали от лица якобы похищенной Юлии Деминой? – эти и десятки других похожих вопросов висели в воздухе, не находя себе пары в виде полноценного ответа.

Максим Картанов шел вперед, держа руки в наручниках перед собой, и не позволяя полицейским вести себя.

Вдруг из толпы отделилась небольшая группа молодых людей, которая направлялась прямо к колонне полицейского сопровождения.

Не прошло и нескольких секунд, как они ворвались прямо в колонну.

– Максим, мы тебе поможем! Давай, беги же! Беги! – кричали парни лет двадцати пяти, вступая в драку с опешившими полицейскими.

Один из них схватил Максима за цепь наручников и потащил наружу, пока его напарники удерживали брешь. Но он не ожидал того, что произошло после. Максим дернул руки на себя, вырывая наручники у неизвестного «помощника», заставив того покачнуться от неожиданности жеста, и, сжав

их в замок, ударил незнакомца в шею. Тот отлетел на спины дерущихся и немигающими глазами уставился на своего кумира.

– Вы что, совсем идиоты?! Хватит заниматься всякой херней! – Максим обращался ко всем присутствующим, воспользовавшись заминкой, произошедшей в этот момент. – Что вы творите, люди?! Зачем вы все сюда пришли? Посмотреть на человека из ящика? Может увидеть известную личность? Или просто поржать и поснимать это все на камеры?

В его словах была правда – фотоаппараты и мобильники торчали из масс, как иглы из спины ежа, даже еще до того, как «представление началось».

– Я обычный преступник, и именно поэтому я иду сейчас с ними, – Максим кивнул на Владислава с его людьми. – Научитесь думать, что вы делаете, иначе так и останетесь овцами. Считаете, что я невиновен? Да вы даже понятия не имеете, что тут сегодня происходит! Валите отсюда, если у вас еще остался здравый смысл...

– Все, хватит с тебя внимания на сегодня. – Владислав оборвал Максима и повел его в старый добрый «УАЗик».

Этот день стремительно подходил к концу. Пусть часовая стрелка только начинала отходить от цифры «3», но день уже заканчивался. Безмятежное солнце закрывали собой маленькие тучи, словно поторапливая светило к линии горизонта. Они были слишком малы, чтобы накрыть его собой, но их было так много, и ветер гнал их прямо в центр небо-

свода. Тень набегала на землю стремительно, подсказывая, что сегодня уже ничего не произойдет. Как, впрочем, и завтра...

4. Эпилог

Когда к Максиму приходила Юля, на самое еще первое свидание, примерно через месяц после суда, он представлял себе нечто «киношное», стеклянную перегородку с телефонными трубками по обе стороны, как усовершенствованная версия двух банок на шнурке. Но все оказалось куда проще – отдельная комната, все в том же двуцветном стиле, как и все помещения тюрьмы – серые бетонные стены и пол, сотнями ног раскрашенный в чуть более темный цвет. В этой комнате было шесть столов, рядом с каждым по две скамьи – по одной с обеих сторон. Видимо, братьев Максима по несчастью не очень часто навещали, потому что возле одного из столов стояла Юля, рядом с ней охранник – и больше, кроме них, никто не ждал, пока сопровождающий снимет холодные наручники с запястий Максима...

В этот раз все обстояло иначе – три стола уже были заняты и возле четвертого, самого дальнего от входа и, по счастливой случайности, самого удаленного от соседей, сидел мужчина в старых, еще чуть ли не советского образца, очках и деловом костюме. Хотя кейса не было рядом, Максим был уверен, что его сегодняшней визитер точно носит с собой нечто похожее на Голливудские «чемоданы-для-передачи-денег».

– Здравствуйте, Максим, – произнес незнакомец после некоторой паузы, повисшей на время, пока охранник отой-

дет на безопасное расстояние. – Как вам тюрьма нового образца?

– Неплохо. Во всяком случае, для человека, которому не с чем сравнивать, – любезно ответил Максим, осторожно улыбаясь, глядя в глаза этому странному человеку, который носит дорогой костюм, при этом не меняет старые очки.

– Ну что ж, я рад. Ведь это именно я настоял, чтобы два года вы провели именно здесь.

Максим ничего не сказал на эту реплику, несмотря на то, что Незнакомец явно ожидал ответа.

– Чем обязан такому визиту? – проговорил Максим через несколько секунд неудобного молчания. – Вы же не для социального опроса о качестве тюрем сюда приехали?

– Да, не для него... – мужчина снял очки и посмотрел Максиму в глаза. – Я думаю, что вы догадываетесь, товарищ Картанов.

Он так странно цедил слова и произнес слово «товарищ» с такой интонацией, что на секунду Максиму показалось, будто он перенесся назад во времени лет эдак на тридцать-сорок.

– Нам известно, что случилось с Вашими родителями и, более того, нам также известно, какую именно информацию вы удалили намеренно из своего... хм... видео-обращения.

Максим молчал, пытаясь сохранить невозмутимость. Но в глубине души у него царил буря эмоций. Ведь этой встречи он так сильно добивался всеми своими действиями,

и вот, спустя год после заключения, удача нашла его.

– На самом деле, я лично очень признателен вам, уважаемый Максим, за то, что вы не пустили в эфир, но, в то же время, не могу вас похвалить в принципе за ваши действия.

– Так что вы, собственно, от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы молчали и не делали глупостей, товарищ Картанов, – ну вот, опять КГБ-шные замашки, – и тогда, может быть, нам могут пригодиться ваши таланты.

– Польщен... А что будет, если я откажусь, ведь материал еще не найден, я правильно понимаю?

Мужчина недобро ухмыльнулся и надел очки, снова превратившись в работника серой массы, в своеобразного офисного работника на стыке столетий.

– Все будет хорошо, если вы этого захотите, Максим, – сказал мужчина, удаляясь к выходу. Максим успел подметить, что его не обыскивала охрана, как обычно бывает с рядовыми посетителями.

– Картанов! У тебя что, день общения сегодня?! К телефону, живо! – кричал один из охранников.

Максим подошел к телефону и взял трубку.

– Максим, это я.

– Нет, Максим – это я, – в шутку ответил Максим, когда узнал голос. – Привет, Антон.

– Догадываешься, зачем звоню?

– Не очень.

– Я уже навел справки о твоём посетителе.

– Как? Уже? – полушепотом сказал Максим, не веря своим ушам. – Всего минут пятнадцать прошло.

– Ну, ты же знаешь, как у нас тут все происходит, хоть я и не совсем легально этим занимаюсь.

– Смотри не подставляйся, товарищ полицейский, вдруг прослушивают.

– Спокойно, у меня все под контролем. Так вот...

Этот человек был из тех, кто относится к правящей элите, по максимуму стараясь обособиться от нее. Крупный бизнесмен на деле, в прошлом сотрудник довольно влиятельных структур. Судя по всему, он имел прямое отношение к ФСБ и прочим «внутренним». Антона насторожило то, что он сам пришел на встречу в тюрьму, возможно, он был далеко не самым важным лицом во всей сложившейся комбинации с событиями почти десятилетней давности. И теперь они нашли Максима и даже предложили мирное решение проблемы.

– Спасибо, друг. Но мне пора, а то охрана уже на часы поглядывает.

– Хорошо. Максим, ты это... держись там.

– Уж точно не пропаду... – сказал Максим. Он хотел выдержать паузу, но побоялся, что Антон бросит трубку и выпалил, – Юле привет передавай.

Не дождавшись ответной реплики, он бросил трубку.

Антону не спалось ночью. Назойливый червяк сомнений терзал его мысли уже не первые сутки, не отпуская ни на се-

кунду. Что такое они творят? К чему ведет эта игра, какая расстановка сил будет в будущем, когда Максим выйдет из тюрьмы. Все чаще его посещали мысли, что зря он однажды подписался на блог этого странного, но чертовски харизматичного паренька в интернете...

Антон хотел было сделать ночную зарядку, но передумал. Тело ломило от каждодневной лени, порожденной этими самыми мыслями, что круговертью пронеслись в его голове.

Он сел за компьютер.

Ничего не хотелос. Юлия с ним не общается, оно и понятно – в свободное время они не были знакомы ни на секунду, хотя Антон восхищался этой не по годам умной девчонкой и понимал, какие чувства к ней испытывает Максим.

Паша уехал в другой город, во всяком случае, он так сказал. Хотя, скорее всего, опять штампует где-нибудь в подполье свои чипы для приставок, вон новая модель на днях появилась.

И хотя они вроде бы добились того, чего хотели, удовлетворение все не приходило. Более того, Антон уже и забыл, что за цель они преследовали. Не исключено, что все это было лишь игрой Максима Карганова, который вдохновил их на приключение в реальной жизни.

Чтобы прогнать экзистенциальные мысли, Антон вошел в анонимный блог – один из самых популярных в своей среде, и ввел знакомую спарку «логин/пароль». Некоторое время он клацал мышью по случайным ссылкам, мышиное ко-

лесико трещало на всю комнату, открывая сотни статей абсолютно разных людей со всех уголков необъятной.

Антон даже улыбнулся своим мыслям о том, что ждет, когда увидит знакомый ник Максима.

Посидев и подумав над названием новой темы, Антон напечатал «Заложники» и нажал Enter.

Курсор в поле «Содержание поста» ждал его, в равные промежутки времени подмигивая на белом фоне.

09.12

Океан в конце пути

Я шел вдоль Невского. Причем «шел» в том смысле, в каком это слово обычно применяют к кораблям, нежели к людям – непоколебимо проходил вдоль снующих туда-сюда людей, только что не нужно было гудеть, чтобы избежать столкновения. Все мысли были забиты последними новостями. Одними новостями, тьфу, то есть всего одной новостью.

Как назло, погода была потрясающей – только и иди в ближайший парк или к Неве и плевать на запреты – купайся, загорай, радуйся жизни. Вот только настроения не было.

И ведь мысли все сводились к одному-единственному словосочетанию, вопросу: «Да как же так?!»

Нужно было собраться с мыслями и дойти уже до дома, наконец.

Дианка поможет разобраться в любых мелочах, она у меня сообразительная.

Шумный проспект постепенно сужался, а потом и вовсе свернул, повинувшись встроенному в мой мозг автопилоту. Кто кого вел – над этим можно еще было поразмышлять до тех пор, пока я чуть не попал под машину в своем дворе. После небольшой терапии русским матом пришлось взять себя в руки, но от меня не укрылась каверзная мысль, что можно было бы и попасть – какая уже теперь разница?

Диана была дома, сегодня у нее, кажется, выходной. Или

отпуск. Или одно из двух. На секунду стало стыдно, что не запомнил, какой текущий статус у ее работы.

– Эй! Привет! Ты сегодня рано! – поприветствовал меня звонкий голос из ванной.

– А ты почему не смотришь, я это пришел или нет?

Она показалась из-за двери:

– Я видела тебя из окна. Петрович тебя еще отmaterил за то, что под колеса лезешь. Это весь двор слышал.

– А, ну да, точно...

Она вышла в прихожую, такая легкая и воздушная. От жары Дианка предпочитала скрываться с помощью любимых спортивных шорт и майки. Иногда под ними даже ничего не было, возможно, что и сейчас.

– Что-то случилось? – вопрос задавала не сама Диана, а ее большие зеленые глаза.

Мой взгляд скользнул вдоль линии аккуратных бровей, опустился ниже, задержался на небольшом носике, вздернутом и веселом, после настал черед губ, сейчас они были сжаты в две тонкие линии – всегда она так делала в ожидании.

– Ну-ну? Что такое?

Внезапно, все вылетело из головы и, то ли благодаря домашней прохладе от нового кондиционера, то ли из-за близости с возлюбленной – но ни о чем плохом думать не хотелось. Вот только таить новости я тоже не собирался.

– Помнишь к нам Данька приходил недели две назад в гости?

– Да, помню.

– Он еще тогда хвастался, что один его хороший знакомый, то ли друг брата, то ли брат мужа сестры, короче кто-то из них защитил диссертацию, и его взяли работать в ЦЕРН?

– Не очень, мы тогда больше с Кариной общались, пока вы болтали о том, о сем.

– Сегодня мне Данька звонил и передавал новости из ЦЕРНа от этого знакомого. Вот как-то так, – слова закончились, а я продолжал смотреть на нее, как если бы нашелся хоть один человек на планете, который бы сумел сделать вывод из моих слов.

Она приоткрыла рот и подалась вперед, удивленно раскрытыми глазами прожигая меня, – всемирный жест «Ну и?!...»

– Короче, у них какая-то авария и скоро нам всем конец, – быстро выговорил я и замолчал.

Диана отвлекла внимание от моего лица и задумчиво сконцентрировалась чуть ниже, на воротнике футболки. Ее лицо стало отрешенным, но ненадолго:

– Это что, какая-то шутка?

– Я и сам не поверил сначала, но вообще нет, это не шутка.

– Женя, если это шутка, то она совсем не смешная! – ее голос постепенно повышался, хотя сейчас его было бы лучше сравнить со сходящей лавиной – я знал, как он может набрать обороты за несколько секунд.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Я сразу рванул к компьютеру в проходной комнате, не раздеваясь и не умывшись, хотя стоило – жар и пот никак не сходили с лица. Наверное, любой художник удивился бы красноте оттенка моего лица – настолько насыщенным и ярким оно стало.

У нас были отдельные браузеры, которые Диана в шутку сравнивала с автомобилями – ее любимый «красненький» и мой «быстрый и синий». Я так нервничал, что был недоволен скоростью «быстрого и синего», но когда на экране появилась страница с почтой, я открыл письмо от Дани, а он, в свою очередь, получил его от своего товарища из Швейцарии.

Пока Диана смотрела видео, я ходил взад-вперед за ее спиной и, по звукам, доносящимся из колонок, подставлял образы по памяти.

Сначала, автор видео долго вещает на английском, что учеными был совершен прорыв в изучении «бла-бла-бла», сегодня был достигнут новый уровень изучения «бла-бла-бла» и, спустя несколько минут, раздается громогласный голос из рупоров. Он не похож на роботизированный отчет, говорит какой-то человек, отсчитывает секунды от пятидесяти девяти до нуля.

– Fourty five...

– Fourty...

– Twenty...

– Nine!

– Eight!

Я снова ждал окончания этого отсчета с ожиданием, да же боялся лишний раз вдохнуть, пока легкие не начинали требовать. Но если на работе мне было интересно, что же я должен увидеть на этом видео такого «срочного» по словам Даниила, то теперь я уже знал и просто ожидал реакции Дианки.

О, Диана-Диана, моя милая!

Я не выдержал и встал рядом с ней, приобняв за плечо.

На экране, тем временем, раздался безумный гул, громкий и протяжный, как если бы сверхчувствительный микрофон положили в трансформаторную будку и голос автора перестал быть различим. О что-то говорил про результаты, что они приближаются к предельному порогу, они замечательны.

Если до этого гул как бы «разгонялся», прямо как мотор гоночного болида, то в кульминационный момент он стал равномерным и почти нестерпимым, Диане пришлось немного снизить громкость на колонках.

Кто-то радостно завопил! И голоса на разных языках восторженно закричали, хоть и вразнобой, но так созвучно. Их радость наполняла зрителя, я заметил, как Диана улыбнулась экрану.

– We made it!

– Wir haben es gemacht!

– Nous avons fait cela!

Произошло что-то потрясающее, чего ученые так долго ждали, как можно было не радоваться?!

Глазок камеры дрожал, вращался из стороны в сторону, от одного счастливого лица к другому, все обнимались и жали руки. До тех пор, пока крик, никак не связанный с радостью, скорее наоборот – бывший ее полной противоположностью, не раздался из-за кадра.

То, что появилось на экране, никак не могло оказаться банальным спецэффектом – слишком уж нереальным и непостижимым оказалось нечто в помехах. Зернистый шум появился вовсе не на изображении, а в самой лаборатории! Воздух подрагивал и светился в области одной из неизвестных мне труб того самого коллайдера, о котором ходили сотни анекдотов и шуток. Потом пространство разрезала тонкая нить небесного цвета (да-да, именно «небесного», потому что он был одновременно и синим, и голубым, и белым, в зависимости от того, под каким углом смотрела камера), вокруг которой пробежали искры. Нить висела ровно, не дергаясь, даже вибрация воздуха не касалась ее.

Прошло десять секунд нервного молчания, прежде чем расширение этой нити стало заметно невооруженным взглядом. Она раскрывалась, будто глаз, размером с крупное окно, вот только вместо привычного белка с роговицей мы со страхом наблюдали черноту, полную «отсутствия возду-

ха». Перед учеными распахнулся сам космос, полный жестокого и холодного вакуума, который сразу же начал пожирать все, что попадет в радиус поражения.

В последние секунды мы стали свидетелями шокирующего зрелища – один из ученых, которому не посчастливилось оказаться рядом, оказался затянутым в этот «воздуховорот»...

Диана пересела на диван рядом с компьютерным столом – ее лицо в считанные мгновения исказилось неприсущей ее темпераменту серьезностью, будто видео вытянуло все веселье тем же странным образом.

– Диана, ты в порядке? – решился спросить ее я. Я понимал, что вопрос глупый и неуместный, но его стоило задать.

Она не ответила, все так же сидела и смотрела в пустоту, прикусывая нижнюю губу – привычка от которой она отказалась некоторое время назад и сейчас была на, так сказать, «реабилитации».

Внезапно, она нарушила тишину:

– Да не-е-е-ет! Этого просто не может быть!

Она капризничала, как маленькая девочка, и это было понятно... хотя, нет, все-таки не понятно – не такой реакции я ожидал. А какой?

– Блин, и что теперь? Вот уроды, а!?! Ну как так можно? А главное, зачем? И вообще!

Сложно было описать весь поток информации, несущийся сверхзвуковым локомотивом, потому что даже бедная Диан-

ка не могла с ним совладать. Я сел рядом с ней и, поглаживая, положил ее голову себе на плечо. Как по команде, она затихла.

– И сколько у нас времени? – спросила она откуда-то справа.

– Данька говорит, что его друг успел свалить и провести какие-то расчеты, но они могут быть не точны, потому что «Зеница», как они называли ее, может начать расширяться быстрее.

– Сколько у нас времени, Жень?

– Недели три, если скорость не увеличится.

– Вот блин! Маму не успеем встретить... – разочарованно сказала она.

Хотелось соскочить с дивана, встряхнуть ее за плечи и возопить: «Твою мать, женщина, какая мама?! Нам всем жопа меньше, чем через месяц!»

Но если не я, то кто будет сохранять самообладание в этой семье? Это маленькое чудо со смуглым загаром от занятий с подружками на свежем воздухе и навязчивой идеей о том, что ее ноутбук ревнует к ее же планшету? Нет, уж увольте.

К тому же, я никогда не был силен в истериках.

– Что делать будем? – почти одновременно произнесли мы оба.

Помолчали немного.

– Я всегда думал, что в таких ситуациях стоит хотя бы сексом заняться... Ну, там, чтобы не помереть от отчаяния, –

высказал я первое, что пришло в голову.

– Ну да, точно, – задумчиво произнесла Диана. – Возможно...

Мы посмотрели друг на друга и завалились на диван в обнимку и с точным знанием, что сейчас этого делать не будем. Легкое умиротворение снизошло, на нас обоих, стоило лишь почувствовать грустное тепло тела любимого человека.

– А мы так и не съездили на море в этом году, – не вопросительно, но и без уверенного утверждения сообщила Диана в предвечерней тишине.

И меня осенило.

Даня запретил публиковать видео, что было понятно – он, по всей видимости, хотел выиграть немного времени для своей семьи в том числе. Мы повиновались, следуя собственному плану.

Следующие десять дней больше походили на бешеную чехарду без сна, чем на размеренный ритм городской жизни. Лица сменялись со скоростью автоматной очереди – риэлторы, начальство, друзья... Мы никому не говорили о том, что известно, берегли силы.

В итоге, через двенадцать дней мы были уже в аэропорту Мадейры, в Санта-Круш. Когда-то давно один товарищ советовал мне отпуск на одном из маленьких островов рядом с Порт-Санту. Почему-то Диана согласилась, возможно, что из-за менталитета – мало кто из Россиян знает о таком местечке, а видеть туристов-земляков не хотелось.

Мы сидели на пляже, рядом с маленьким съемным домом, который больше всего ассоциировался с жилищем Робинзона Крузо, если бы проектом занимался его чернокожий компаньон – несложно представить себе вигвам из прутьев и кожи, «надетый» на частокол средней толщины бревен. Все вокруг будто бы говорило о единении с природой в своем первоначальном виде. Солнце приближалось к далекой полосе, которая едва заметно отделяла небо от океана, но до заката было еще около двух часов. Было спокойно, почти безветренно, и жарко. Редкие птицы пролетали над нашими головами, старались не кричать, уважая наше желание побыть в одиночество перед небытием.

– Странно, да? Эти ученые так радовались, все их усилия были направлены в сторону решения какой-то глобальной проблемы, или они хотели приоткрыть очередную ширму тайн мироздания... Неужели, все национальности выделили лучших умов только для того, чтобы приблизить конец света? – Диана лежала рядом со мной, на голом песке, без покрывала. Ее ладонь покоилась в моей, приятно и так безмятежно.

– Да уж, странно... На протяжении всей истории цивилизации столько национальностей собирались лишь для того, чтобы повздорить, повоевать. Как маленькие дети, всегда находили повод для драки. И, стоило только немного повзреть... сразу все сломали.

– А вдруг, они действительно приоткрыли занавес ка-

кой-то тайны? Но Бог решил по-своему изгнать нас из своих чертогов?

– Только если ты – религиозный фанатик. Я всегда считал, что любому явлению есть логичное и рациональное объяснение, оправдание. Просто к некоторым мы еще не готовы.

– А я вот верю в Бога. Даже если ты прав, кто-то должен направлять человечество к открытию новых секретов. Может быть, и яблоко упало на голову Ньютону не случайно.

– Может быть... Только к чему нас завел этот слепой проводник? Или же мы сами выбрались из отары, чтобы попасть прямо в разинутую пасть?

Диана приподнялась и обняла меня всем телом, одарив дождем из песчинок с ее спины. Мы долго целовались, наслаждаясь каждой секундой.

На небе не было ни облака. Если черная дыра, «Зеница», действительно существует, то считает их деликатесом и направляется в первую очередь.

Я вспомнил одну деталь:

– Кстати, когда мы нанимали лодку и дом, я воспользовался сетью на планшете. Знаешь, а ведь Данька не выдержал, он опубликовал видео.

– Да, правда?! И как там? – Дианка встрепенулась и села напротив, загородив солнце своим телом. Я был не против – вид открылся еще восхитительнее.

– Пока не ясно, хотя предсказать не сложно – беспорядки, паника, бедствия...

– Ну да, не то, что мы. До сих пор в голове не укладывается, почему я не чувствую такого разочарования? Да, мне грустно, я озлоблена, но нет отчаяния.

– У меня что-то похожее творится в душе. Хочется думать, что это благодаря тому, что мы есть друг у друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.